

ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАБОЧИЙ ЛЮД ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Одной из сторон внутренней политики царизма являлось отношение правительства к рабочему люду городов. История русского города в период абсолютизма «доныне остается еще недостаточно изученной в советской исторической литературе».¹ Сказанное особенно относится к истории городского населения, и в частности его рабочей части. Рабочий люд отличался в первой половине XVIII в. многообразием категорий, что несомненно затрудняет изучение его положения. Кроме того, состав рабочего населения был неодинаков в различных городах страны, так как зависел от экономических особенностей каждого города.

Данная статья написана в результате изучения материалов по истории Петербурга. Нам удалось рассмотреть лишь некоторые стороны отношений правительства к рабочему люду Петербурга: во-первых, мы остановились на мерах, предпринимавшихся правительством для удаления из центра города жилищ немущей части населения, а также мастеровых и работных людей, которые закончили работу или потеряли работоспособность; во-вторых, на отношении правительства к основным категориям мастеровых и работных людей — к наемным и к казенным (переведенцам), при этом особое внимание уделили последним, так как они находились в непосредственном ведении правительства и их правовое и материальное положение было определено правительственными указами.

Петербург являлся местом нахождения правительства и, естественно, намерения последнего осуществлялись в этом городе более полно и точно, чем в других городах страны. А. В. Предтеченский, имея в виду первые два десятилетия существования нового города, писал, что «жители Петербурга в полной мере испытали на себе силу петровской регламентации... Отступать от всех предписаний и запрещений Петра петербуржцам было

¹ Ю. Р. Клокман. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII вв. В кн.: Абсолютизм в России. (XVII—XVIII вв.) М., 1964, стр. 320.

труднее, чем жителям других российских городов, так как зоркие глаза царя и его многочисленных фискалов мгновенно замечали всякие уклонения от установленного порядка...».²

Санкт-Петербург представлял собой столицу феодального государства. Это определяло сущность города и внешность его.

К 30—40-м годам XVIII в. Петербург прежде всего — царская резиденция. Летние и зимние императорские дворцы, дворцы членов царской семьи, пригородные дворцы чередовались с обширными царскими садами (в центре города располагались шесть царских садов, в которых выращивали фрукты, овощи, цветы, декоративные деревья). Оранжереи, погреба сменялись зверинцами, из которых в одном содержали зверей для царской охоты, в другом — «для курьезности», третий был зверинцем для американских оленей, четвертый — для диких быков, пятый — для слонов и т. д. В царских птичниках разводили не только птицу, потребную к столу ее величества, но и множество самых разнообразных певчих и декоративных птиц. Увлечение императрицы охотой привело к необычному росту псарен и конюшен.³ Дворы Апраксина, Волынского, Рагузинского, Ягушинского, Бирона, Скляева, Чернышева и многих других вельмож по возможности копировали царские дворцы и сады.

Численность населения города, включая детей, крестьян, пришедших на заработки, нищих, солдат постоянных полков, летом 1737 г. не превышала 70 тыс. человек. Социальный состав жителей Петербурга характерен для «резидующего» города — число дворян, военнослужащих и их слуг значительно превышало число мастеровых, купцов, их работников, крестьян, пришедших на заработки (с паспортами и без них).⁴

Подобный облик города начал складываться с того времени, когда Петр I задумал превратить Петербург в столицу. Уже тогда правительство, видимо, имело в виду не допускать заселения центра Петербурга рабочими: 16 января 1712 г. Петр I предполагал, что в столице, создание которой мыслилось на о. Котлин, будут проживать 1000 знатнейших дворян, 1000 купцов (500 из числа наиболее состоятельных и 500 средних) и 1000 наиболее богатых ремесленников (500 из них должны были иметь свои

² Очерки истории Ленинграда, т. I. М.—Л., 1955, стр. 47.

³ Внутренний быт Русского государства, кн. I. М., 1880, стр. 9, 146—162, 302—346.

⁴ Летом 1737 г. состоялась первая перепись наличного населения Петербурга. Материалы переписи сохранились неполностью: из 28 административно-полицейских участков (сотен), на которые был разделен город, сохранились переписные книги 7 (из них по одной сотне неполные). Согласно материалам переписи, в I и II сотнях Московской стороны, II, IV и V сотнях Адмиралтейской стороны и VI сотне С.-Петербургского острова проживало 8672 человека дворян, военнослужащих и их слуг и 5500 казенных и цеховых мастеровых, купцов, их работников, крестьян, пришедших на заработки с паспортами и без них (ЦГАДА, ф. 248, д. 201. Подсчеты наши, — Л. С.).

«заводы»)⁵ С 1716 г. царь стремился сделать центром государства Васильевский остров, заселив его богатыми дворянами и купцами.⁶

По проекту, разработанному в 1717 г. техническим руководителем и ведущим архитектором Петербурга Леблонем, пришлый рабочий народ должен был жить вне города, а ремесленники могли проживать на определенных улицах у края города. Нет сомнения в том, что Леблон, приглашенный в Россию из Парижа, планировал город идеальный, с точки зрения французских архитекторов, живших в эпоху абсолютизма. Но нет также сомнения и в том, что взгляды Леблона на принципы городской планировки отвечали идеалам Петра I (по пути из Парижа в Петербург архитектор провел с Петром I три дня, после чего Петр I отозвался о нем с большой похвалой).⁷

Однако идеалы правительства и действительность подчас противоречили друг другу. Для строительства города требовались рабочие. Их присутствие меняло тот облик столицы, который хотело бы придать ему правительство. Вынужденное мириться с пребыванием рабочих в столице, правительство настойчиво искало способы ограничить их число. Оно следило за тем, чтобы крестьяне, временно выславшиеся на строительство С.-Петербурга, не задерживались в городе после окончания работы. Мастерских же постоянных правительство размещало в слободах вокруг города, подчас на значительном от него расстоянии. Так, мастерские Капцелярии от строений были поселены в с. Путилове, на р. Назье, в Тосно, на Новых невских кирпичных заводах;⁸ адмиралтейские плотники и мастерские пороховых заводов — на Охте; мастерские Оружейного завода — в Сестрорецке; мастерские кирпичных заводов — в Стрельбе и т. д.⁹

Создание слобод позволяло правительству постоянно иметь в распоряжении рабочую силу, не забывая столицу рабочими домишками и рабочим населением. Система петербургских рабочих слобод явилась развитием того, что имело место в русском городе

⁵ С. П. Луппов. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.—Л., 1957, стр. 25, 26.

⁶ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 38.

⁷ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. СПб., 1884, стр. 116, 120; С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 65; Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 106.

⁸ Доложение Синявина в Юстиц-коллегию от 8 апреля 1720 г. ЦГАИ, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. IV, д. 102, л. 1; Дела об отмежевании земли вечнопоселенцам. Там же, оп. 4, д. 276, лл. 11, 25; д. 326, л. 3; оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 223.

⁹ Слободы были созданы двух видов: мастерские одних слобод по преимуществу обслуживали определенное промышленное предприятие, располагавшееся поблизости, мастерские других слобод имели местом работы собственно Петербург (первых также, когда было нужно, направляли на работу в Петербург и другие места).

предшествующих веков. Город XVI—XVII вв. состоял из крепости, посада и слобод, «население каждой из которых занималось особой профессией, например слобода кузнечная, рыболовная, стрелецкая, пушкарская и т. д. . . . Слободы представляли из себя отдельные от посада самоуправляющиеся целыя, связанные с посадом только географически».¹⁰ Петровское же правительство, исходя из мысли о создании города нового типа, географически оторвало слободы от С.-Петербурга (расстояния до Путьева и Тосны превышали 50 км).¹¹

Но мастерские двух крупнейших предприятий — Адмиралтейской верфи и Литейного двора находились в городе. Верфь возникла на берегу Невы прежде, чем Петербург стал столицей. Перенесение верфи было делом слишком сложным и дорогим. Кроме того, увлечение Петра кораблестроением объясняло его желание как можно чаще иметь на глазах любимое предприятие. Выход увидели в превращении Адмиралтейского острова в особое поселение кораблестроителей и моряков.¹² Литейный двор располагался на границе С.-Петербурга. Уже в апреле 1716 г. Петр I запретил строить город выше по течению Невы, отведя эти земли под поселения ремесленных людей.¹³ В 1724 г. он подтвердил указ о том, что «в линиях вверх по Неве реке от Литейного пушечного двора» могут иметь жительство только «артиллерные подлые служители, и дворцовые, и конюшенные, и Партикулярной верфи служители».¹⁴ Таким образом, здесь также мыслилось создание рабочей слободы.

Проводя украшение центральных частей столицы, преємници Петра I стремились как можно дальше со своих глаз убрать места скопления простого народа.¹⁵ Недаром неоднократно принимались указы о перенесении харчевен и кабаков со «знатных улиц» «в особливые места» и на рынки.¹⁶ Елизавета пришла из-за этого вопроса даже в столкновение с Сенатом, который в целях увеличения казенных сборов просил не сводить кабаки с центральных

¹⁰ М. М. Богословский. История России XVIII века. М., 1915, стр. 236.

¹¹ О жизнєпности заложенных при Петре I слобод говорит то, что многие из них продолжали существовать и в конце XVIII, и в течение всего XIX в. (Справка от 23 октября 1781 г. о земле, состоящей в ведении Конторы от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 79; М. И. Потехин. Охтенские крепостные селения. Диссертация. Л., 1953. Хранится в ЛГУ).

¹² Очерк истории Ленинграда, т. 1, стр. 42. — 26 марта 1720 г. Петр указал генерал-полицимейстеру Дивнеру «на Адмиралтейском острове и за речкою Мьею, на оных местах надлежит строитца адмиралтейским служителем. И теми местами удовольствовать прежде подлых адмиралтейских служителей» (ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 18, л. 77).

¹³ ПСЗ I, № 3019.

¹⁴ Указ от 11 января 1733 г. ПСЗ I, № 6308.

¹⁵ В. Швариков. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М., 1954, стр. 64, 82.

¹⁶ Указ от 2 декабря 1742 г. ПСЗ I, № 8674; указ от 11 апреля 1746 г., ПСЗ I, № 9278; ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 40, л. 5.

улиц. Императрица негодовала и по поводу того, что на стенах домов, обращенных на улицы, имеются вывески ремесленных мастерских или входы в лавки. «Чтоб по большим знатым улицам никаких вывесок, как ныне их множество разных ремесел видно и против самого двора ее и. в., не было», — указала она.¹⁷ Через год последовал новый именной указ по этому же поводу, но уже с приказанием мастерам людям и жителям иметь «внутри дворов», «позади оных знатных улиц».¹⁸

Те две рабочие слободы, которые при Петре I образовались в городе, возмущали императрицу своей некрасивостью, и они стремились заменить их иными строениями. На «перспективной дороге» располагались «малые дворнички адмиралтейского батальона и астраханцов», «от которого худого строения никакого плезиру по той дороге» быть не могло. Поскольку этим путем въезжали в Петербург иностранцы и другие знатные люди, то 16 ноября 1726 г. Екатерина I повелела: «К лутчему плезиру оной прешпективной дороги в той адмиралтейской слободе места снесши», построить новые красивые здания для гвардейских полков.¹⁹

Пожары 1736 и 1737 гг. уничтожили почти все деревянные строения Адмиралтейского острова.²⁰ Воспользовавшись этим, правительство решило убрать адмиралтейские слободы с тех мест, где они возникли. Располагавшиеся вблизи Адмиралтейства жилища рабочих людей были малыми и застроены были чрезвычайно часто. «Для пространства и красоты города» новые дома на этих местах повелевалось строить «многим пространнее», возвести их следовало на заново проложенных на пожарище широких улицах. «Для того всех прежних жителей поместить никак не можно, а надлежит некоторым из тех погорелых, *нижних чинов людям*, приискав, предоставить под строение места, где удобнее для поселения изыскать можно».²¹

Благоустроенная центр столицы, полиция в 1737 г. сама начала рушить те домики в адмиралтейских слободах (между Мойкой и Глухой речкой), которые уцелели от пожара.²² Мастерские и другие разночинцы не успели не только разобрать дома для перенесения их на другое место, но даже вынести пожитки. Дело доходило до того, что рассыпанным на земле оказывался хлеб. В этих слободах, как следовало по исчислению архитектора Земцова, находилось 280 «весьма ветхих и тесных» дворов и только 212 «удобных к жительству». В переведенских улицах имелись

¹⁷ Указ от 14 октября 1752 г. ПСЗ I, № 10032.

¹⁸ Указ от 19 октября 1753 г. ПСЗ I, № 10145.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 22, л. 89.

²⁰ С. С. Бронштейн. Планировка Ленинграда по проектным материалам Комиссии о Санкт-Петербургском строении. (2-я четверть XVIII ст.). Докл. Комисс. географии населения и городов, вып. 1 (3), Л., 1965, стр. 67.

²¹ Указ от 18 сентября 1736 г. ПСЗ I, № 7061 (курсив наш, — Л. С.).

²² С. С. Бронштейн. Планировка Ленинграда. . . , стр. 85.

«многие дворы самые малые и тесные адмиралтейских служителей и прочих разночинцов»: площадь этих дворов была от 5 до 2½ сажень. Во многих из них имелось по 2—3 хозяина, «ис которых каждой свое строение особое имеет и так тесно, что во многих дворах с трудом человеку пройти можно и связались строением сосед к соседу», — докладывала в Кабинет ее и. в. Главная полицмейстерская канцелярия.²³ Анна распорядилась уничтожить столь неприглядную картину, и полиция взялась за дело.²⁴

То же самое происходило на Московской стороне. «Для красоты города потребно быть по оной (Литейной улице, — Л. С.) регулярному строению, а не такому негодному, которое наподобие чуланов построено». А потому Бестужев-Рюмин, Остерман и другие передали Полицмейстерской канцелярии повеление Анны — малое строение сломать и строить дома большие и регулярные. А бедным людям, которые «регулярных домов за убожеством построить не в состоянии, то ныне отвести им под строение землю в таких местах, где непроезжие большие улицы, и такие малые дома убогим людям строить позволено».²⁵ Таким образом, происходило удаление жилищ малоимущего люда из тех центральных мест города (из района Адмиралтейской верфи и района Литейного двора), в которых они имелись при Петре I.

Правительственные указы запрещали проживать в Петербурге мастеровым, потерявшим трудоспособность: 11 марта 1717 г. Сенат повелел негодных к службе мастеровых из числа вечнопоселенцев из С.-Петербурга отпускать «в дома их», а вместо отпущенных присылать из тех губерний такое же число работоспособных мастеровых с женами и детьми.²⁶ 13 апреля 1717 г. директор Канцелярии городских дел князь Черкасский уточнил данный указ — высылать на прежнее места жительства следовало только тех не могущих работать мастеровых, у которых дети были младше 10 лет.²⁷ Правительству Екатерины I и Петра II стремились прочь из Петербурга отправлять отставных мастеровых с их малолетними детьми и включать последних в подушный оклад у прежних владельцев.²⁸ В 1729 г. отставных каменщиков и плотников, проработавших в Петербурге многие годы, с их женами и маленькими детьми выслали в те деревни и посады, в которых они жили до переведенья в столицу.²⁹ В 1740 г. отставных адмиралтейских служителей велено было увозить из С.-Петер-

²³ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 30, л. 19.

²⁴ Там же, л. 36.

²⁵ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 36, л. 52.

²⁶ Выписка Канцелярии городских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 251.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, л. 730; оп. 4, д. 326, л. 17.

²⁹ Там же, оп. 4, д. 259, л. 4.

бурга в Казанскую губернию.³⁰ 31 мая 1750 г. состоялся указ, согласно которому адмиралтейские и морские служители нижних чинов, увольняемые по старости или из-за увечий в отставку, не имели права оставаться в Петербурге. Адмиралтейской коллегии было подтверждено (следовательно, подобный указ уже имелся и раньше) запрещено выдавать паспорта для проживания в С.-Петербурге отставным служителям нижних чинов.³¹

Если правительство стремилось удалять из города мастеровых, как только они теряли работоспособность, то вполне понятно, что оно принимало энергичные меры, чтобы не допустить нахождения в столице беднейшего неработающего населения — нищих. Указы, запрещающие появление нищих в столице, издавались на протяжении всех рассматриваемых лет: 21 и 31 января 1712 г., 20 июня 1718 г., 6 апреля 1722 г., 23 октября 1728 г., 21 июля 1730 г., 28 августа 1736 г., 25 мая 1742 г., 29 апреля 1753 г.³² и т. д. Поскольку «личная законодательная инициатива ближайших преемников Петра скорее напоминала „домостроительство“ вотчинника, чем государственную деятельность»,³³ то указы подчас были продиктованы тем, что императрицы не желали видеть неприятных зрелищ. Например, любившая раздавать милостыню Елизавета, увидев нищенку, «у коей все лицо в ранах изрыто и смотреть весьма противно», поспешила издать указ, «дабы таким и гнусным отнюдь не допускать здесь в резиденции таскаться».³⁴ Анна паталкивалась на то, что нищие «престарелые дряхлые и весьма больные без всякого призрения по улицам валяются, а иные бродят»,³⁵ что в С.-Петербурге «нищих весьма умножилось, и от часу умножается. . . и в самых проезжих местах от множества их иногда с трудом проезжать возможно». В 1744 г. в Главной полиции содержалось 5372 нищих, и это была лишь небольшая часть от их общего числа.³⁷

Борьба с нищенством велась тремя путями. Прежде всего правительство стремилось не допустить их попадания в Петербург. В 1734 г. ее и. в. «учинилось известно», что через стоящие вокруг С.-Петербурга заставы из разных уездов идут в С.-Петербург «мужеск и женск пол с ребятами ханжи и для прошения милостыни». Был объявлен указ, которым заставы обязывались не пропускать нищих в Петербург. У пойманного в Петербурге нищего спрашивали, через какую заставу он прошел, и накладывали

³⁰ Указ от 14 января 1740 г. ПСЗ I, № 8002.

³¹ ПСЗ I, № 9753.

³² Указ от 13 апреля 1758 г., ПСЗ I, № 10824.

³³ Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), стр. 412.

³⁴ Указ от 13 апреля 1758 г. ПСЗ I, № 10824.

³⁵ Указ от 17 июля 1738 г. ПСЗ I, № 7621.

³⁶ Указ от 28 августа 1736 г. ПСЗ I, № 7041.

³⁷ Указ от 26 октября 1744 г. ПСЗ I, № 9053.

вали на эту заставу штраф.³⁸ 26 июня 1741 г. вновь последовал указ о том, что бы нищих в С.-Петербург «ниоткуда отнюдь не пропускать». Крестьян-нищих было предписано отправлять к их помещикам, взимая с последних деньги, издержанные на дорогу нищего и конвойного.³⁹ В 1744 г. опять повелевалось отсылать нищих на прежние жилища.⁴⁰ Во-вторых, нищих пытались определять в государственную службу — в солдаты, в драгуны, матросы, в казенную каторжную и другую работу, женатых — на поселение в Оренбург.⁴¹ В-третьих, для них повелевалось строить богадельни.⁴²

Нищие в значительной своей части состояли из крестьян и людей других сословий, которые при иных обстоятельствах могли бы работать. Недаром прямым, «истинно» нищим, постоянно противопоставлялись работоспособные нищие. В ведении из Сената из С.-Петербурга в 1738 г. отмечалось, что даже в числе нищих, записанных в богадельни, имеются также, которые могут добывать себе пропитание работой.⁴³ Наблюдалось характерное для феодального общества противоречие: строительству и промышленности города требовались рабочие руки, и в этом же городе тысячи людей, нуждавшихся в пропитании, обитались без работы и существовали за счет подаяния.

Классовость правительственной политики проявлялась в Петербурге чрезвычайно откровенно. Об этом говорит не только отеснение рабочих жилищ в закоулки и за черту города, не только преследование нищих, но и целый ряд других правительственных действий. На улицах и переулках города существовали караулы, которые должны были накрепко смотреть за тем, кто проходил между 10 час. вечера и 4 час. утра. Показательно, что «знатных персон» караульщикам следовало пропускать «без всякого задержания», «лакеев и прочих служителей — задерживать и спрашивать, чьи они люди, и куда, и за чем посланы». Один или два караульщика обязаны были сопровождать идущего простолудина до того дома, куда он шел, и проверять у хозяев тех домов правильность данных им караулу показаний. К людям «ниже купечества» не существовало доверия и от караулов требовалось особое внимание по наблюдению за ними.⁴⁴

Несение караулов было делом обременительным и, естественно, возлагалось на все население города. Караульщику простого звания тяжело приходилось от лиц даже не весьма знатных.

---

³⁸ Указ от 11 января 1734 г. ПСЗ I, № 6532; ЦГИА, 1329, оп. 2, прил. 2, д. 26, л. 2.

³⁹ Указ от 26 июня 1741 г. ПСЗ I, № 8407.

⁴⁰ Указ от 26 октября 1744 г. ПСЗ I, № 9053.

⁴¹ Указ от 28 августа 1736 г. ПСЗ I, № 7041.

⁴² Указ от 13 апреля 1758 г. ПСЗ I, № 10824.

⁴³ Указ от 17 июля 1738 г. ПСЗ I, № 7621.

⁴⁴ Указ от 7 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7272.

В ноябре 1720 г., например, на карауле у шлагбаума стояли каменщики-переведенцы Канцелярии городских дел. Они окликнули шедшего без фонаря (в петровское время все идущие в темноте обязаны были иметь при себе фонарь) офицера Гренадерского полка Семена Курапова: «Для чего Ваша милость изволит итти не в указанные часы и бес фонаря?». И хотя караульщики этим выполняли ту службу, которая была на них возложена, офицер стал их бранить и бить, вызвал grenader, которые, прибежав «во многом числе», били караульщиков «смертным боем» и повели к полковнику, полковник расценил поведение караульщиков, как «безчестье офицера» и, по словам одного из караульщиков каменщика Ивана Карпова, «стал у себя в хоромах нас бить тростью и проломил голову и за волосы таскал, и своим гранодером велел бить же, и на дворе знобил на морозе, сняв одежду, в одной рубашке меня, привязав у фурманного колеса три часа и других так же знобил и бил, и велел он, полковник, своим афицером допрашивать под неволею за великим боем». Полицейстерская канцелярия, приняв за истину челобитье офицера, наказала караульщиков морскими кошками и требовала, чтобы они уплатили Курапову 17 руб.⁴⁵ Такое поведение полиции вполне понятно. Караулы были созданы для того чтобы охранять господствующий класс от злодеев, воров и разбойников, и всякое посягательство со стороны «подлых чинов» на свободу дворянина возмущало как отдельных представителей господствующего класса, так и полицию, созданную для охраны спокойствия этого класса.

В особо напряженные годы в столице, помимо караулов, состоявших из петербургских жителей разных чинов, создавались пикеты из лейб-гвардейцев, т. е. караулы, классовая направленность которых проявлялась еще определеннее. В частности, пикеты существовали летом—осенью 1736 г. и с декабря 1737 г.⁴⁶ Для этого времени характерно резкое ухудшение положения простого люда в результате опустошительных пожаров. В городе участились случаи грабежей, правительство опасалось поджигателей — и, вероятно, не без оснований, так как подле двора цесаревны Елизаветы Петровны была найдена кубышка для поджога зданий.⁴⁷

Итак, на протяжении первого полувека существования Петербурга правительство стремилось удалять из центра города жилища малоимущих людей, в том числе рабочих и мастеровых; удалять из столицы рабочих людей, потерявших работоспособность, и не допускать нахождения в ней малоимущего неработо-

⁴⁵ Доношение в Канцелярию городских дел от каменщика Ивана Карпова. Март 1721 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. 1, л. 437.

⁴⁶ Указ от 14 декабря 1737 г. ПСЗ I, № 7458.

⁴⁷ Указ от 7 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7272; ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 30, л. 17.

способного населения. Коротче говоря, политика правительства исходила из того, что «нижним чинам» «здесь, яко в резидующем знатном городе, жить неприлично».⁴⁸

* * *

Отношение правительства к наемным работникам сводилось в основном к наблюдению за тем, чтобы они имели паспорта и регистрировались в полиции. Уже в 10-х годах XVIII в. проживание в Петербурге без «свидетельства» — официального разрешения с места постоянного жительства — каралось ссылкой на каторгу, т. е. приравнивалось к тягчайшему преступлению. В 1718—начале 1719 г., например, петербургская полиция определила на каторгу 6 человек дворцовых и монастырских крестьян. Эти крестьяне, отработав срок, на который они были присланы в Петербург в порядке отбывания государственной повинности по строительству города, самовольно остались в Петербурге и прожили, нанимая квартиры у переселенцев-татар, по 3—7 лет; на каторгу же были определены посадские и крестьяне, жившие в домах разных лиц без свидетельства и без порук.⁴⁹ 11 мая 1719 г. Петр I санкционировал эти действия Полицмейстерской канцелярии и распорядился о том, чтобы в дальнейшем лица, пойманные в Петербурге без свидетельства, также отдавались в рекруты или в работы.⁵⁰ Особенно суровые меры против крестьян и посадских людей, находившихся в Петербурге на заработках без отпускных документов, стали приниматься правительством после проведения ревизии.

К 1736 г. существовала довольно четкая система обращения петербургской полиции с беспаспортными людьми. Их выискивали, а поймав, отправляли в Петербургскую воеводскую (позднее губернскую) канцелярию. На владельцев домов, в которых проживали лица, не имеющие паспортов, и на тех, кто предоставил им работу, Главная полицмейстерская канцелярия накладывала штраф. На допросе у виновных «в неимении паспортов» выясняли, откуда они родом, и посылали в названное ими место запрос с требованием проверить показания. После допроса беспаспортного человека отправляли в каторжную работу. Если показания на допросе оказывались правдой, то колодника, нака-

---

⁴⁸ Указ от 31 мая 1750 г. ПСЗ I, № 9753.

⁴⁹ Проживание «без свидетельства» было единственной виной данных крестьян и посадских людей. Вина лиц, подвергшихся наказанию за иные преступления (посадский человек Старой Руссы был определен на каторгу за то, что шел позднее указанного часа; сын денщика светлейшего князя — за то, что «пойман в гулянии»; бывший человек графа Апраксина — за то, что был «пойман пьяной», и т. д.), всегда оговаривалась (ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 15, лл. 46—47).

⁵⁰ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 11, л. 48.

зав кошками и дав временный паспорт, высылали на родину.⁵¹ Однако даже столь суровые меры не могли избавить столицу от нахождения в ней беспаспортных крестьян и посадских. Летом 1737 г. в шести сотнях Петербурга переписчики зарегистрировали 1238 крестьян, работавших по найму с паспортами, и 315 беспаспортных; число посадских соответственно составляло 42 и 12. Действительное число беспаспортных было выше, так как они, зная незаконность своего нахождения в Петербурге, несомненно укрывались от переписи.

Все принимаемые на работу или остановившиеся для жилья люди должны были отмечаться в полиции. Первые указы об этом появились 6 декабря 1714 г. и 20 июня 1718 г. С 1732 г. за нарушение этого требования на работодателей и квартирохозяев налагался штраф. В 1745 г. указ об обязательной регистрации был повторен снова.⁵² Регистрация, по замыслу ее инициаторов, должна была позволить правительству держать под контролем все население города и прежде всего его трудовую часть — тех, кто работал по найму, снимал углы. Однако добиться желаемых результатов не удавалось. Судя по материалам переписи наличного населения города в 1737 г. (наши материалы неполны), зарегистрирована в полиции была лишь $\frac{1}{3}$ от общего числа переписанных лиц.

Регистрация в полиции прибывающих в Петербург людей ставила главной своей целью защиту города от преступных, с точки зрения правительства, элементов. Кроме того, регистрация давала правительству сведения о рабочей силе города, занятой у частных лиц. Важность этих сведений становится понятной, если учесть, что правительство считало себя вправе привлекать к строительным работам наемных мастеровых, занятых у частных лиц, и находящихся в Петербурге крепостных мастеровых различных владельцев. В 1745 г., например, по приказанию Кабинета ее и. в. Главная полицмейстерская канцелярия должна была переписать «в господских и протчих партикулярных домех» столяров, резчиков, маляров, золотарей как вольных, так и крепостных тех лиц, которым принадлежали дома. Все переписанные мастеровые должны были быть направлены на работы в ведение Кабинета.⁵³ То же желание распоряжаться всей рабочей силой города лежало в основе указа от 16 декабря 1724 г.,⁵⁴ согласно которому подрядчики обязаны были регистрироваться в Канцелярии от строений. Канцелярия от строений должна была собирать сведения и о том как исполнялись подряды. Зная, каково

⁵¹ Доношение в Главную полицмейстерскую канцелярию из С.-Петербургской губернской канцелярии. ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, д. 793, л. 1; д. 799, лл. 5—7.

⁵² Указ от 12 января 1745 г. ПСЗ I, № 9097.

⁵³ ЦГИА, ф. 1328, оп. 2, прил. 2, д. 39, л. 7.

⁵⁴ ПСЗ I, № 4617.

качество и сроки выполнения работ, исполняемых тем или иным подрядчиком, правительство имело возможность привлекать для строительства государственных и дворцовых сооружений лучших из них.

Несомненный интерес представляют правительственные попытки регулирования цен на рабочую силу. Размер оплаты наемных рабочих ставился правительством в прямую зависимость от цены хлеба: «Известно нам учинилось, — читаем в одном из указов Анны, — что здесь, в Санктпетербурге работные люди, как к казенным нашим работам, так и у партикулярных людей, *хотя по благодати божией хлеб здесь пред прежними годами гораздо дешевле продается, нанимаются за дорогую плату*».⁵⁵

Некоторые колебания цен, конечно, имели место, но в целом правительство стремилось⁵⁶ (и безуспешно!) держать цены на

Продукты	Цена			
	в январе 1728 г. (порядная) *	в августе 1736 г. (продажная, сообщенная Таможней в Кабинет министров) **	в 1741 г.	
			покупная из барок в лавках ***	продажная из лавок ***
Мука ржаная.	1 р. 75 к. за четверть.	1 р. 88 к. за четверть (исходя из того, что четверть муки равна 7 п. 10 ф.).****	1 р. 70 к. за четверть.	1 р. 87 к. за четверть.
Овес.	17—18 коп. за четверик.	13—15 коп. за четверик.	14 коп. за четверик.	15 коп. за четверик.
Крупа гречневая.	38—40—42 коп. за пуд, 37—38 коп. за четверик.	30—40 коп. за четверик.	30 коп. за четверик.	33 коп. за четверик.
Солод ячменный.	36—40 коп. за пуд, 24 коп. за четверик.	16—20 коп. за четверик.	15 коп. за четверик.	16 коп. за четверик.
Мясо говяжье.	57 коп. за пуд.		В августе 60 коп. за пуд (задние части туши), 50 коп. за пуд (передние части туши).	

* Справки канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 60, ч. III, лл. 630, 651 об., 652.

** П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. . . , стр. 312.

*** Рапорты офицеров в Главную полицмейстерскую канцелярию. ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, д. 824, лл. 79 и сл.

**** Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 202.

⁵⁵ Указ от 30 мая 1739 г. ПСЗ I, № 7825 (курсив нац. — Л. С.).

⁵⁶ Указ от 25 мая 1718 г. ПСЗ I, № 3203; указ от 14 января 1725 г. ПСЗ I, № 4634 (ошибочно указ имеет № 4633); указ от 17 августа 1736 г.

продукты питания на определенном уровне (см. таблицу) и, видимо, до начала 40-х годов XVIII в. на более или менее одном уровне держалась цена на рабочую силу.

Цена на рабочую силу определялась также размером спроса и предложения на нее. И правительственные акты в отдельных случаях были направлены на то, чтобы увеличить число наемных работников в городе; с этой целью, например, мужчинам запрещали заниматься мелкой уличной торговлей.⁵⁷ Обычно, однако, правительство пренебрегало фактором спроса и предложения при установлении цены на рабочую силу и в законодательном порядке запрещало мастеровым и рабочим людям наниматься за более высокую плату. Так в 1737 г., когда в результате пожаров резко повысился спрос на строительных рабочих и каменщики, плотники и другие мастеровые люди, воспользовавшись этим, стали требовать за работу более высокую плату, чем до пожара, ее величество расценило это как «безстыдное и злостное упрямство» и для пресечения такого «общевредительного беспорядка» повелела того, кто будет требовать более высокую плату, чем существовала до пожара, ссылая как преступника на каторгу, а на того, кто будет уплачивать ее, налагать штраф.⁵⁸

При установлении платы наемным рабочим в Петербурге большое значение имело то обстоятельство, что значительная часть их нанималась на казенные работы.

Плата наемным рабочим, занятым казенной работой, отличалась в Петербурге определенностью. Работники, выполнявшие в течение одного и того же времени одинаковую работу с одинаковым мастерством, получали от казны равную плату. Плата была настолько определенной, что в отдельных случаях люди нанимались на работу, оговорив свой будущий заработок фразой «ценою обязались взять, по чему в нынешнем годе цена состоитца». Спустя какое-то время оказывалось, что на строительстве С.-Петербургской крепости рабочим людям в данном году платят по 2 р. 70 к. в месяц или по 9 коп. в день. Следовательно, такой же оказывалась и плата рабочих людей в огороде на Крестовском острове.⁵⁹

Назначаемая на казенных работах плата оказывала сильное влияние на установление цены на рабочие руки у частных лиц. Казна же определяла плату наемным работникам, исходя из цены подневольного труда. Более высокая плата давалась наемным мастерам за большую интенсивность их труда и только (естественно, при одинаковой профессии и квалификации с подневоль-

ПСЗ I, № 7035; указ от 1 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7267; указ от 9 августа 1737 г. ПСЗ I, № 7343, и др.; И. П. Высоцкий. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 33.

⁵⁷ Указ от 30 мая 1739 г. ПСЗ I, № 7825.

⁵⁸ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 30, л. 53.

⁵⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 725, лл. 1—6.

ными). Можно привести много высказываний руководителей строительных работ, подтверждающих это положение,⁶⁰ и, с другой стороны, имелись случаи, когда казенные организации, заинтересованные в том, чтобы сдать работу на подряд, отказывались от подрядчиков из-за дорогой цены, запрашиваемой ими, и обходились трудом подневольных работников или солдат.⁶¹

Таким образом, правительство стремилось использовать труд, который обходился ему дешевле. Однако в некоторых случаях принцип этот нарушался. Так, Екатерина I, идя навстречу иностранным мастерам и, возможно, русским мастеровым, обучавшимся за границей, ранее ноября 1726 г. издала указ, согласно которому мастерам литейщикам, замочникам и другим, которые выехали из Англии, Голландии и прочих стран, велено было отдавать выполнение работ на государственном строительстве «не с торгу, но по оценке архитекторской». Тем самым Канцелярия от строений лишалась права передавать выполнение работы тому подрядчику, который на торгах соглашался взять ее за меньшую плату. Иностранцы получили монопольное право на выполнение той работы, в которой они были заинтересованы, и получили право брать за нее плату, значительно выше подрядной. Указ объяснял такое решение тем, что «дешевные мастеровые, которые учились в России, не так искусны»⁶² (указ, как видим, признавал наличие в Петербурге русских мастеровых). На основании этого указа столярного полатного убору мастер Матвей Мантуров обратился в Кабинет ее и. в. с челобитьем о предоставлении ему права на выполнение всех столярных работ, которые отдавались в Канцелярии от строений с торгу.⁶³ Мантуров не хотел брать работу «с торгу з другими русскими мастерами», так как при этом он получил бы значительно меньшую плату.

В 10—20-х годах XVIII в. благодаря огромному объему строительных работ, предпринятых правительством или частными лицами по его указаниям, подавляющая часть наемных работников,

⁶⁰ 25 ноября 1728 г. Трезини докладывал в Канцелярию от строений, что изготовление 200 рам для оранжерей обойдется дешевле, если их отдать вольным столярам, а не поручать казенным столярам, получающим кормовые деньги (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, л. 620). Канцелярия от строений в одном из своих указов писала, что камень, ломанный подрядным способом, обошелся дешевле, чем ломанный работными людьми (там же, кн. 59, ч. II, л. 520 и сл.).

⁶¹ В 1729 г., например, Канцелярия от строений, приказывая управителю Н. Струнину нанять работников для обработки сада, требовала, чтобы им платили ниже, чем платили работникам в 1728 г.; если они потребуют большую плату, то от подряда следовало отказаться (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 725, лл. 1—5; см. также перечень подрядов, заключение которых в 1716—1719 гг. не состоялось из-за дорогой цены, запрашиваемой подрядчиками, или из-за неявки подрядчиков — оп. 73/187, кн. 7, ч. 4, д. 244, л. 3—3 об.).

⁶² Из Кабинета ее и. в. в Канцелярию от строений. 8 ноября 1726 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. 3, л. 717.

⁶³ Там же.

пришедших в Петербург на заработки, находила его, видимо, на строительстве (на каменоломнях, на землекошных работах, на перевозке строительных материалов, на сооружении зданий и т. д.).⁶⁴ В 30—50-х годах XVIII в. возросло число наемных работников занятых в сфере торговли и услужения. Людей, нанявшихся на частные промышленные предприятия было ничтожно мало по сравнению с числом людей, нанявшихся на торговые предприятия и в услужение. Из обработанных нами регистрационных книг Поллицмейстерской канцелярии за ряд месяцев 1741 г. видно, что в то время как на частные промышленные предприятия нанялось 20 человек, в торговые заведения нанялось 956 человек, в услужение — 300 человек.⁶⁵ Вероятно, приведенные цифры верно отражают соотношение, существовавшее между названными группами наемных работников. Даже в 40-х годах XIX в. в Петербурге на промышленные предприятия поступала лишь $\frac{1}{13}$ часть людей, пришедших в город на заработки.⁶⁶

Отношение правительства к рабочим петербургских частных мануфактур ничем не отличалось от его отношения к рабочим частных промышленных предприятий, расположенных в других городах — те же колебания в вопросе использования труда беглых крестьян, та же общая тенденция на прикрепление мастеровых к мануфактурам, завершившаяся законом 7 января 1736 г.⁶⁷ Экономические условия для развития промышленности в Петербурге были малоблагоприятными. Кроме того, правительства Анны и Елизаветы не хотели превращать «резиденцию» в промышленный город, издавали указы о выводе из города имевшихся промышленных предприятий, запрещали строить новые,⁶⁸ и потому к 1745 г. на территории Петербурга и губернии находилось всего 21 частное предприятие (не считая лесопилен)⁶⁹ с несколькими сотнями рабочих. Согласно сведениям, которые были полу-

⁶⁴ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского, т. V, вып. 1, Л., 1940; Л. Н. Семенова. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, дд. 775—778, 780, 781.

⁶⁶ П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 427.

⁶⁷ Е. И. Заозерская. 1) Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947; 2) Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60-х гг. XVIII в. М., 1960; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М., 1953, и др.

⁶⁸ Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 71; указ от 12 января 1759 г. ЦСЗ I, № 10914.

⁶⁹ С. И. Колотилова. Социальный состав работников частновладельческой промышленности Петербурга и Петербургской губернии в 1750—1770-ых годах. Уч. зап. Псковск. гос. пед. инст. им. С. М. Кирова; 1964, стр. 44.

чены представителями Мануфактур-коллегии, осматривавшими петербургские промышленные предприятия в 1742 г., на частных промышленных предприятиях работало 222 человека. Это — сведения неполные. Не имеется данных, если исходить из списка петербургских мануфактур 1737 г., о масляной и крупяной ветряной мельнице Еремея Кизла, о двух канатных предприятиях — Христофора Теспа и Артемия Эшенбурха, о парусной мануфактуре Михеля Томсена, плетеночной Кондратя Бурдакова и мануфактуре по изготовлению настенных шпалер Юкина. Три первых предприятия либо вовсе не имели работников, либо имели их в малом числе, в 1740 г. эти предприятия намечалось исключить из числа фабрик. В 1747 г. не существовали парусная и плетеночная мануфактуры, что также говорит о их непрочном положении и, вероятно, небольшом числе работников.⁷⁰ Говорить об общем числе рабочих на петербургских частных мануфактурах трудно, главным образом потому, что большое значение для них имели временные работники; несомненно, однако, что предприятия были малолюдны и серьезного значения для развития промышленности в стране не имели. Они ограничились удовлетворением потребностей петербургского дворянства (шляпные, позументные, сургучные и прочие предприятия), хотя и их удовлетворяли лишь в малой части.⁷¹

* * *

Особенностью Петербурга первой половины XVIII в. являлось то, что большую часть строительных работ выполняли государственные мастеровые и работные люди и подавляющую долю промышленной продукции выпускали рабочие казенных предприятий. Устройство казенных рабочих и наблюдение за ними было непосредственной обязанностью правительства. Рабочие, выполнявшие казенные работы, не были едины по своему составу. Наличие разнообразных групп в среде рабочих людей — черта, характерная для первой половины XVIII в. В распоряжении правительства имелись люди, обязанные работать временно и постоянно, подневольные и наемные, гражданские и военные, русские и иностранцы и т. д. Их правовое положение было различно. В разное время и на различных работах преобладало значение той, то другой группы, но чаще всего основными являлись мастеровые, переселенные в Петербург на вечное житье. Остановимся подробнее на их положении и посмотрим, каково было

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 554, лл. 128—128 об., 183, 185—209, 266—267.

⁷¹ Такого же мнения придерживается В. В. Покшишевский. (В. В. Покшишевский. Территориальное формирование промышленного комплекса Петербурга в XVIII—XIX веках. Вопросы географии, сб. 20, М., 1950, стр. 123—124, 128).

отношение правительства к этой наиболее многочисленной и наиболее важной для Петербурга категории рабочих.

Правительство Петра создало категорию вечнопоселенцев, для того чтобы обеспечить Адмиралтейскую верфь и Городовую канцелярию постоянно находившимися в распоряжении этих учреждений квалифицированными мастеровыми людьми. Поскольку охтинским адмиралтейским мастерам посвящены специальные работы Б. Мансурова и М. Н. Потехина,⁷² то мы остановимся в основном на положении вечнопоселенцев, принадлежавших Городовой канцелярии (при этом постараемся заострить внимание на тех моментах, которые меньше освещены у С. П. Луппова).

Для создания постоянных кадров квалифицированных строительных мастеровых Петр прибег к обычному средству — строительному переселению мастеровых, проживавших в разных частях страны. В данной работе нас не интересуют районы, из которых правительство набирало мастеровых. Отметим только, что значительная часть мастеровых, особенно набранных в Московской губернии, принадлежала монастырям и патриарху. Мы не нашли материалов, которые позволили бы ответить на вопрос, было ли это со стороны правительства сознательным ослаблением духовенства или правительство забирало мастеровых в монастырских и патриарших вотчинах лишь потому, что там шире было развито ремесло и, следовательно, мастеровых было больше, чем во владениях светских феодалов.

В 1710 г. «на вечное житье» «к городовому делу» в Петербург велено было выслать 2500 человек.⁷³ Мы не имеем документов о том, как проходил процесс переселения работников в Петербург на постоянное жительство, однако некоторое представление о нем нам могут дать сохранившиеся материалы о высылке работников в Петербург на временную работу. К началу 10-х годов правительство обладало государственным аппаратом, достаточно хорошо натренированным в деле высылки в Петербург рабочих людей на временную работу. Преодолеть сопротивление населения, огромные расстояния, трудности, связанные с отсутствием средств сообщения, правительственный аппарат мог только при условии весьма четкой работы. Царь, позднее Сенат, направлял губернаторам указы о высылке в Петербург рабочих людей. Одновременно правительство посылало в каждую губернию дворян, называвшихся приводцами, каждый из которых отвечал за высылку людей с определенной территории. Приводцам давались подробные указы, согласно которым они должны были действовать. На местах приводцам подчинялись отставные дворяне, солдаты, дети боярские и другие служилые люди. Они с наказными

⁷² Б. Мансуров. Охтенские адмиралтейские селения. СПб., 1855; М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения.

⁷³ Доношение У. А. Сивявина в Юстиц-коллегию от 8 апреля 1720 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. IV, д. 102, л. 1.

памятями, данными им приводцами, немедленно отправлялись в деревни и села. Там вступали в действие помещики и их прикащики, старосты, выборные и бурмистры. В городах, по распоряжению приводцев, о производящемся наборе «кликали бирючи» и вывешивали объявления. Командиры и бурмистры предоставляли приводцам съезжие и постоянные дворы, отставных дворян для посылок, подъячих для письма, подводы, свечи, бумагу, чернила. В некоторых случаях всю работу на месте проводили коменданты или обер-коменданты; приводцы получали у них уже собранных работников. Набор производился оперативно. Например, указ Сената о наборе на 1713 г. был направлен астраханскому и казанскому губернатору П. М. Апраксину 22 января 1713 г. Дворян-приводцев послали позднее. А к концу февраля «или конечно в марте месяцах» собранные ими работники должны были уже находиться в Петербурге. Отработана была и система проведения работников. Она до предела возлагалась на податное население. На двадцать работников население должно было выделять провожатого. Помещики, прикащики и старосты давали сказки о том, что работники и проводники с дороги не сбегут. Дворянин-приводец, пересматривая работников перед отправкой, разбивал их на сотни и десятки, обязывал круговой порукой и передавал провожатым. Именно на них возлагалась ответственность за благополучную доставку работников в Петербург. Им правительственный наказ грозил смертью за упущенного работника, штрафом «вчетверо» за плохое качество инструментов у работника и т. д. Правительство обеспечивало бесплатный путь рабочих партий — их должны были пускать на дворы и станцы, перевозить через реки, пропускать через мосты. Согласно правительственным наказам, «для крепкого охранения» работников на местах должны были выделять из больших городов знатных дворян, а из маленьких — комендантов. Однако часто приводцы жаловались на то, что местные власти таких людей им не давали.⁷⁴

Вероятно, эта же система использовалась и при высылке в Петербург мастеровых «на вечное житье». Несколько замедлялось дело тем, что переведенцы должны были переезжать вместе с семьями. Тем не менее в 1711 г. в Петербург прибыла значительная часть переведенцев,⁷⁵ а к 6 июня 1712 г. в распоряжение Городовой канцелярии правительство передало 2210 мастеровых-переведенцев. Но параллельно с прибытием переведенцев в Пе-

⁷⁴ Список с указа дворянину Н. М. Свойтинову, посланному в Нижний Новгород. 1713 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. 1, лл. 66—69; Список с наказа стольнику И. А. Костюрину, посланному на Волок Ламский. 1713 г. Там же, лл. 163—166; Список с наказа П. А. Агареву, посланному во Владимир. 1713 г. Там же, лл. 198—201; Доношение приводца Крастромской провинции Ивана Ашиткова. Там же, кн. 2, ч. 3, л. 280 об.

⁷⁵ Перепись населения в слободе тосненских каменоломщиков и в слободе Новых кирпичных заводов, 1733 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 324, лл. 1—10, 19—23.

тербург шло уменьшение их числа, вызывавшееся побегами и гибелью: до 6 июня 1712 г. из 2210 прибывших 365 человек бежало и 61 умер (46 оказалось дряхлыми).⁷⁶ Беглого или умершего работника крестьяне или посадские люди, поставившие его, должны были заменять новым человеком, однако в первое время, как видно из только что приведенных цифр, бегство было значительным, но заменяли беглых редко (об этом свидетельствует уменьшение числа переведенцев).

Стремясь увеличить число переведенцев, петровское правительство практиковало наборы и в последующие годы: в 1714 г. князю Черкасскому был дан указ, «проведывая тайно о лутчих мастеровых людех изо всяких чинов людей, не обходя никого, чей бы кто ни был, набрать мастеровых людей в высылку в Санкт-Петербурх».⁷⁷ Прежде всего Черкасский должен был искать мастеровых людей в Москве; в случае недобора, он имел право брать их и из других городов. Петру I было ясно, что о добровольном переезде мастеровых в Петербург речи быть не может, и он приказывал, «для того чтоб они не ушли, отдавать их на поруки посацких московских тех слобод старостам и лутчим людем, а из городов — тех городов бурмистром и старостам же, а уездных — помещиком и вотчинником». Тех, которых некому отдать на поруки, отдавать московскому коменданту и содержать ему их за крепким караулом, «дабы оные не розбежались».⁷⁸ Набор Черкасского продолжил московский комендант Измаилов. Высылку мастеровых на постоянное жительство в Петербург петровское правительство продолжало и позднее, но уже небольшими группами.⁷⁹

Несмотря на все старания, правительству не удалось достигнуть «указного» (2500 человек) числа переведенцев. В мае 1719 г. Канцелярия городских дел считала, что в ее распоряжении находится 1078 взрослых мастеровых мужского пола.⁸⁰ 26 апреля 1720 г. она определяла их число 1074 человеками,⁸¹ в марте 1721 г. — 1087 человеками.⁸² Во второй половине 1722 г., передавая в Сенат сведения для составления штата, Канцелярия определяла число мастеровых вечного жителя у нее в 1144 человека.⁸³ В 1723 г. в январскую треть мастеровых вечного жителя было

⁷⁶ С. И. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 86.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 4, ч. 1, д. 16, л. 4.

⁷⁸ Там же, л. 4 об.

⁷⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. 3, л. 917; кн. 26, ч. 2, л. 471; кн. 15, ч. 1, л. 81; кн. 78, ч. 1, л. 148; кн. 37, ч. 1, л. 108 и т. д.

⁸⁰ Справка, составленная на основании списка на выдачу жалованья. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 4. — По списку комиссара Огарева в мае 1719 г. в Канцелярии от строений числилось 1074 мастеровых (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 901).

⁸¹ Доложение Канцелярии городских дел в Штатс-коитор коллегию. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. 4, д. 105.

⁸² Репорт о числе мастеровых у городского строения за подписью А. Зенбулатова. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. 1, лл. 452—455.

⁸³ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187 кн. 33, ч. 1, л. 36 об.

1063 человека,⁸⁴ в майскую треть — 1028 человек,⁸⁵ в ноябре — 1018 человек.⁸⁶

Кроме переведенцев, в число постоянно работавших в Петербурге казенных строительных мастеров правительство переводило солдат и рекрутов. 29 мая 1713 г. Сенат вынес постановление о наборе из числа рекрутов для определения их в Канцелярию городских дел 262 мастеровых⁸⁷ (сколько было набрано, неизвестно). 7 января 1720 г. (а возможно, и ранее) правительство передало Канцелярии от строений 136 мастеровых Стрелинских заводов, состоявших из солдат и рекрутов.⁸⁸ 2 сентября 1724 г. Петр I приказал владеющих мастерством солдат Рижского вице-губернаторского, С.-Петербургского, Нарвского гарнизонных полков перевести в мастерские Канцелярии от строений. Вероятно, в конце царствования Петра в ученики паяльного дела в Канцелярию от строений были определены 36 солдат. В конце 1725—начале 1726 г. в число мастеровых перешло 311 человек из полков.⁸⁹ Когда казенному строительству потребовались мастеровые-металлисты, то правительство передало Канцелярии городских дел 96 мастеровых Оружейного двора. Подобным же образом определили к работам и живописцев.⁹⁰

В итоге правительство достигло того, что, несмотря на систематическую убыль мастеровых, в распоряжении Канцелярии от строений к 1726 г. их находилось около полутора тысяч.⁹¹

Преемница Петра I пошла по пути сокращения числа постоянных строительных мастеровых. 21 марта 1727 г. Екатерина I издала указ, по которому число архитекторов, мастеров и мастеровых Канцелярии от строений должно было равняться 913 человекам⁹² (вместо тех 2,5 тысяч, к которым стремились при Петре I). Само собой разумеется, что переселения «на вечное жительство к городскому делу» прекратились. В дальнейшем общее число мастеровых, находившихся в ведении Канцелярии от строе-

⁸⁴ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. 1, л. 229 об.

⁸⁵ Там же, л. 235 об.

⁸⁶ Ведомость о числе мастеровых вечного жителя, составленная для кабинета ее и. в. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. 1, л. 382 об.

⁸⁷ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 86.

⁸⁸ Список мастеровых людей, составленный в конце 1722 г. для Сената. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. 1, л. 37 об.; Ведомость за подписью Ивана Бачманова от 2 января 1720 г. Там же, кн. 5, ч. V, л. 125, л. 1.

⁸⁹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, л. 5; По справке Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 312 об.

⁹⁰ Список мастеровых, составленный Канцелярией городских дел для Сената. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 39—40.

⁹¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. II, лл. 419—420; Справка комиссара Ивана Игнатьева. 1726 г. Там же, ч. I, л. 312 об.

⁹² Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 14 об.—15.

ний, определялось в основном естественным приростом населения. Судить о нем трудно из-за отсутствия документов. Лучше всего сохранились источники по истории каменщицкой переселенческой слободы Путилово. В 1719 г. в Путилово было 295 дворов.⁹³ Учитывая малочисленность переведенческих дворов в первые годы их существования, можно считать, что годными в работу в это время было не больше 295 мастеровых. В 1745 г., по данным генеральной ревизии, в Путилово показана 441 душа мужского пола.⁹⁴ В 1775 г. в том же Путилово проживало 315 каменщиков, годных в работу, 45 человек находилось в отставке и 198 — не работали по малолетству.⁹⁵ Известно, что на протяжении 56 рассмотренных лет бывали случаи, когда правительство подселяло в Путилово отдельные семьи. Таким образом, можно считать, что естественный прирост населения был небольшим.

К принудительной же высылке правительство вынуждено было прибегнуть и для создания в Петербурге кадров корабельных плотников. Петр I предполагал поселить на Охте 1000 семей плотников. Несмотря на то что формирование этой группы мастеровых происходило на 10 лет позднее, чем формирование группы мастеровых, принадлежавших Канцелярии городских дел, и в 20-х годах XVIII в. Петербург стал уже известным местом заработка для трудового населения страны, несмотря также на то, что в охтинские плотники могли определяться крепостные разные владельцев (об их зачислении состоялся особый указ Сената от 16 октября 1721 г.), добровольно к поселению на Охте записалось только 124 человека.⁹⁶ М. Н. Потехин, исходя из того, что по указу от 4 апреля 1724 г. к поселению на Охте следовало добрать 176 семей, считает, что «к апрелю 1724 г. во вновь построенной охтинской слободе жило 824 семьи».⁹⁷ Вероятно, на Охте имело место то же, что мы наблюдали в Канцелярии городских дел — число набранных и даже приведенных в Петербург мастеровых значительно превышало число действительно поселившихся в Петербурге переведенцев. Тем не менее к 1732 г. на Большой и Малой Охте проживало 914 семей корабельных плотников.⁹⁸ В дальнейшем их число постепенно сокращалось, в 1784 г. проживало лишь 695 семей.⁹⁹

Для обеспечения рабочей силой Литейного двора и двух пороховых заводов правительство начиная с 1709 г. переводило в Петербург мастеровых из Москвы и Тулы, а с 1719—1720 гг.

⁹³ Из письма поручика Трухменского об отмежевании земель. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 11.

⁹⁴ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 12 об.

⁹⁵ Допошение коллежского советника Лилиенталя в Контору ее и. в. домов и садов. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 279, л. 48.

⁹⁶ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 21, 24.

⁹⁷ Там же, стр. 23.

⁹⁸ Там же, стр. 69.

⁹⁹ Там же, стр. 67, 69.

перешло на пополнение кадров мастеровых на заводах Артиллерийского ведомства за счет рекрутских наборов. Это был единственный возможный выход для обеспечения предприятий необходимым числом мастеровых. Численность мастеровых на предприятиях Артиллерийского ведомства колебалась из-за частых командировок мастеровых в различные гарнизоны и на заводы в другие города. Однако на протяжении рассматриваемых лет эта численность вследствие увеличения потребности страны в порохе и артиллерийских орудиях неуклонно росла. На Охтинском пороховом заводе с 1716 по 1726 г. число мастеровых увеличилось с 60 до 86 человек, к 1736 г. оно достигло 132, к 1746 г. — 170, к 1755 г. — 236 человек. В 1714 г. на Пушечном литейном дворе значилось 37 рабочих, к июню 1724 г. работало 272 человека, считая фурлейтов, в 1727 г. — 192 мастеровых и 209 фурлейтов, гребцов и караульщиков, в 1732 г. жалованье получили 206 человек, в 1738 г., по штатам Арсенала, в нем значилось 231 мастер и мастеровой, в 1763 г. — 353 человека (из них мастеровых 309). На С.-Петербургском пороховом заводе в 1730 г. работало 59, а в 1750 г. — 104 мастеровых.¹⁰⁰

Выше мы говорили о том, что правительство расселяло мастеровых в слободах вокруг Петербурга. Создание таких слобод вне города позволило правительству наделить мастеровых землей. Переведенцы городской канцелярии получали землю с момента приезда в слободы. По указу 1712 г. на семью было определено под огороды и гумна по десятине, на выгоны, на покосы и на сенины угодья — по 2 десятины, под пашню — по 3 десятины. Размер запашки правительство определило, исходя из того, сколько земли дается деловым людям у помещика «за месячную в припашку». В 1712 г. Канцелярия отводила переведенцам под пашню «по десятине в поле, а в дву по тому ж»,¹⁰¹ предполагая таким образом сеяние пшени озимого и ярового хлеба. В 1749 г. та же Канцелярия заявляла, что «им оная (земля, — Л. С.) по шести десятин не для пашни, как крестьяном, но для только дворов и огородов и выпуску скота дается».¹⁰² Изменение взгляда Канцелярии на роль земли в хозяйстве мастеровых объясняется тем, что в ряде случаев при формально сохранявшейся в середине века норме 6 десятин на двор, фактическое количество земли, приходящейся на одного мастерового, уменьшилось.¹⁰³

Мастеровые рассматривали землю как часть жалованья, даваемого им государством, и требовали наделения каждого ра-

¹⁰⁰ Л. Н. Семенова. Рабочие петербургских заводов Артиллерийского ведомства в первой половине XVIII в. В кн.: Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.—Л., 1964, стр. 75—81.

¹⁰¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 326, л. 3.

¹⁰² Из протокола Канцелярии от строений. 1749 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 328, л. 8.

¹⁰³ В момент переселения мастеровые прибывали в слободы либо без семьи, либо с женой и маленькими детьми, т. е. 6 десятин приходилось

ботающего на казенных работах мужчины 6 десятинами земли. Но при том ограниченном количестве земли, которым располагало ведомство Канцелярии от строений, для того чтобы наделять земель вновь определяемых на работы мастеровых, надо было отбирать землю у тех, кто переставал работать. Вопрос этот поднимался неоднократно, но окончательно решен быть не мог. Так, в декабре 1755 г. Канцелярия направила указы в Путиловские, Назинские, Невские и Тосненские слободы об отобрании земельных участков у неработающих на казенных работах мастеровых и о раздаче этой земли мастеровым, вновь определенным к работам.¹⁰⁴ Однако весной 1756 г. Канцелярия уже изменила свое решение, определив, что у 43 совершенно не могущих работать мастеровых «особливо бездетных» отбирать дворы и огороды не следует, возможно отнять только пашенные земли.¹⁰⁵ Мастеровые Канцелярии от строений использовали всю находившуюся в их распоряжении землю и придирчиво следили за тем, чтобы «межеванье Петра Великого» не нарушалось.¹⁰⁶ В 1774 г. все мастеровые ведомства Канторы от строений, исполнявшие казенную работу, продолжали владеть земельными наделами.¹⁰⁷

Правительство наделило землей и мастеровых, поселенных на Охте. Рабочие порохового завода получили землю «под дворы и огороды и на выгон скотины», пашенной земли и сенокоса им с момента поселения было определено по десятине на душу. На большое значение земельных наделов для существования мастеровых указывал в 1734 г. комиссар Половинкин, отмечая, что «тех заводов служителем без земли и санных покосов и лесных угодий пробыть невозможно».¹⁰⁸

В указе Петра I о межевании в Ингерманландии от 28 августа 1723 г. содержалось распоряжение об отводе земли «плотникам, которые поселены на берегу Невы реки близ Канец». М. Н. Потехин, однако, считает, что первое межеванье состоялось только в 1749 г., когда на 864 семьи было отведено 2762 десятины. Взгляд М. Н. Потехина на роль земельных участков в хозяйстве охтян¹⁰⁹ нам кажется несколько странным. Если мнение М. Н. По-

---

на одного взрослого мужчину и одну взрослую женщину (и то не всегда). В 1711 г., например, 50 каменоломщикам было отведено 300 десятин земли. С годами семьи разрослись. В той же слободе в 1749 г. в 40 дворах проживало 68 семей. Были дворы, в которых 6 десятин приходилось на 10 взрослых и 7 детей (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 328, л. 9).

¹⁰⁴ Из протокола Канцелярии от строений. 20 декабря 1755 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 1.

¹⁰⁵ Копия протокола Канцелярии от строений. 1756 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 5.

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 18; д. 280, лл. 1—2 об.

¹⁰⁷ Там же, д. 279, лл. 9 об., 48.

¹⁰⁸ Л. П. Семенова. Рабочие петербургских заводов..., стр. 111.

¹⁰⁹ «Отведенные земли не могли принести реальных выгод охтянам, если не считать сбора грибов и ягод, т. к. требовали колоссальных средств и сил для их освоения, а охтенские поселяне не имели ни того, ни дру-

техина отвечает действительности, то это может служить доказательством того, что мастерские казенных петербургских слобод находились в весьма различном положении.

Кроме земли, правительство платило мастерам денежное и хлебное жалованье. В 1710 г. было указано выдавать переведенцам по 12 руб. и 5 четвертей хлеба в год, в 1711 г. — добавить еще по осмине крупы. В действительности размер хлебного жалованья зависел от семейного положения мастеровых — в первые годы одиночки выдавали по 3, женатым по 6 четвертей хлеба в год.¹¹⁰ В 1714 г. Сенат повелел выдавать хлебное жалованье детям мастеровых, в возрасте от 5 до 10 лет в размере 1.5 четвертей в год.¹¹¹ Уменьшение хлебного жалованья в 1715—1718 гг. вызвало челобитные мастеровых в Канцелярию городских дел, а затем в Сенат.¹¹² Сенат постановил, что хлебное жалованье казенных мастеровых в Петербурге должно быть единым¹¹³ и должно равняться жалованью адмиралтейских мастеровых. Правительство, видимо, удовлетворяло потребности мастеровых в хлебе: в месяц мастеровой получал 29 кг муки и 5 $\frac{1}{3}$ кг (с 1723 г. по 3 $\frac{1}{3}$ кг) крупы,¹¹⁴ его жена получала 29 кг муки, дети (как мальчики, так и девочки) с 5-летнего возраста получали по 14.4 кг муки.¹¹⁵ Выдаваемое мастерам хлебное жалованье не являлось платой за труд мастерового, недаром его выдавали как во время работы мастеровых, так и в то время, когда они не привлекались к работам. Хлебное жалованье не зависело от квалификации. Оно выдавалось не только мастерам, но членам их семей. Правительство рассматривало и землю, и хлебное жалованье как средства, обеспечивающие существование мастерового и его семьи. Это была не плата за работу, а плата за обязанность жить в Петербурге и быть готовым к работе.

того, постоянно занятые казенными работами на Адмиралтейство» (М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 59). «Даже участки под огороды, размер которых был установлен в 1500 кв. сажень, имела меньшая половина поселян» (там же, стр. 60).

¹¹⁰ Указ Канцелярии городских дел от 18 января 1721 г. И. Ф. Игнатеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 900.

¹¹¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 3—3 об.

¹¹² ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, лл. 2 об.—3; оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 901.

¹¹³ Мастеровые Оружейного двора, Конторы садовых дел и других государственных предприятий и учреждений получали хлебное жалованье, равное жалованью мастеровых-переведенцев Канцелярии от строений (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 169, ч. I, лл. 7—12 об.; кн. 33, ч. I, лл. 39—40 и сл.).

¹¹⁴ Указ канцелярии городских комиссару И. Ф. Игнатеву от 18 января 1721 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 900; Выписка канцелярии городских дел. 1721 г. Там же, кн. 16, ч. I, лл. 327 об.—328 об.; кн. 56, ч. I, л. 312.

¹¹⁵ Эти цифры несколько отличаются от цифр, приводимых С. П. Луповым (С. П. Лупов. История строительства Петербурга..., стр. 92).

Непосредственно за работу правительство выдавало мастеровым денежное жалованье. Согласно петровскому указу, в Адмиралтействе оно должно было составлять 12 руб. в год, строительным же мастеровым «для того, что в зимнее время у дел не работают», его величество указал платить «против Адмиралтейских вполы», т. е. по 6 руб. в год. Тем, кого привлекали к работе зимой, платили по 6 денег за проработанный день.¹¹⁶ Петровское правительство, всегда чрезвычайно ценившее квалификацию мастеровых и платившее за квалифицированный труд большую плату (мы здесь не согласны с Лупповым),¹¹⁷ поделило мастеровых на две категории — «умеющих» и «мало умеющих» и установило для первых 30-, для вторых — 20-алтынный оклад в месяц. Исходя из этого оклада, для тех мастеровых, которые привлекались к работам почти круглый год, возник оклад — 10 р. 26 а. 4 д. и 7 р. 6 а. 4 д.¹¹⁸ Более высококвалифицированным мастеровым платили 36 руб.; 31 р. 10 а.; 24 руб.; 19 руб.; 18 руб. в год и т. д.¹¹⁹

Правительства Екатерины I, Петра II пытались превратить мастеровых вечного житья в крестьян. Канцелярии от строений, ведавшей наибольшим числом переведенцев, велено было «искать способу», «как переведенцев от жалованья отрешить».¹²⁰ 21 марта 1727 г. по указу Екатерины I 146 путиловских каменщиков были лишены государственного жалованья как денежного, так и хлебного. Вместо него им было приказано прибавить земли «против крестьянских дач».¹²¹ За путиловцами предлагалось перевести на такое же положение и других переведенцев.¹²² Переведенцам предлагалось при этом заключать договоры на теску и ломку камня в местных каменоломнях.¹²³ При наличии полного крестьянского надела каменоломная работа стала бы для переведенцев обыкновенным крестьянским приработком.

¹¹⁶ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 312.

¹¹⁷ «Что же касается денежного вознаграждения за труд, то переведенцы получали не больше, чем другие. Их денежный оклад составлял 1 рубль в месяц — 12 рублей в год» (С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 92).

¹¹⁸ Первый оклад платили 606 каменщикам, второй — 36, первый — 25 гончарам, второй — 3, и т. д. (Штат Канцелярии от строений в конце 1722—начале 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 28 об.—37).

¹¹⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 28 об.—37.

¹²⁰ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 14 об.—15.

¹²¹ Под поселение крестьян в Ингерманландию, согласно справке, полученной из Вотчинной конторы в 1742 г., правительство отводило 24½ десятины на двор (Выписка канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 5 об.).

¹²² ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 5 об.

¹²³ Там же, д. 276, л. 12 об.

Правительство Анны продолжало превращать переведенцев в крестьян и достигло в этом значительных успехов. По указу 2 апреля 1733 г. село Путилово с деревнями велено было приписать к Садовой конторе, казенных мастеровых употреблять «так как и прочие дворянские крестьяне употребляютца».¹²⁴ Квалифицированных мастеровых с января 1734 по 1736 г. использовали как чернорабочих в садах ее и. в. (зимой путиловцы высылали на работу в Итальянский сад по 16 подвод, летом по 49 пеших работников с переменами).¹²⁵

Однако намерения императриц осуществились далеко не полностью. Их претворению в жизнь противодействовали прежде всего сами переведенцы и, очевидно, руководство Канцелярии от строений, которому было удобнее иметь в своем распоряжении постоянно определенное количество мастеровых, уровень профессиональных навыков которых был высок и известен. В результате этого жалованья лишилась лишь часть переведенцев.¹²⁶ Вероятно, не была нарезана и земля «против крестьянских дач». Во всяком случае через несколько лет сама Канцелярия не смогла отыскать справок, нарезался ли такой надел 146 мастеровым. Канцелярия продолжала привлекать переведенцев к казенным работам.

При Анне мастеровые сами стали добиваться возвращения жалованья. Они отказались обрабатывать пашню, если правительство не возобновит выдачу жалованья.¹²⁷ Нам неизвестно, как закончилось недовольство мастеровых на данном этапе, но когда после четырехлетнего использования мастеровых по их прямой специальности их снова, видимо, попытались направить чернорабочими в сады, тогда 7 января 1741 г. каменщики Никифор Спиридонов с товарищами «доношением требовали» в Канцелярии от строений, «чтоб их от садовых работ уволить, а ежели при Санкт-Петербурхе какие казенные работы будут, то они те работы отправлять будут, как и пред сего отправляли на жалованье поголовно».¹²⁸ Подавая «требование», мастеровые, вероятно, учиты-

¹²⁴ Там же, л. 25 об.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ В 1728 г. 111 путиловских каменщиков, получали денежное жалованье (Ведомость комиссара Я. Скобельцына. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, лл. 6 об.—8). В 50-х годах тосненские каменоломщики и другие мастеровые продолжали получать денежное жалованье.

¹²⁷ На собрании всех жителей Путилова каменщик Сергей Никитин сын Коршунов в мае 1734 г. призывал мастеровых: «Когда не будет определено жалованья, у кого и хлеб есть, никто не папите и сказок никаких не давите» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 82, ч. 3, л. 635). На многократные попытки заставить путиловцев обрабатывать землю они отвечали: «Ежели определено им будет денежное и хлебное жалованье, то пахать станут». Администрации удалось принудить к пашне весной 1734 г. лишь немногих, «а другие упрямством своим пашню оставляют, которые и пахать могут», — сообщал в конторе Пазинских заводов слободчик Иван Андреев (там же, л. 637).

¹²⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 9.

вали смену правительства (смерть Анны в конце 1740 г. — начало регентства Бирона, которому казенные каменщики были известны).

Однако сама Анна не смогла быть последовательной в отношении переведенных ею в крестьяне мастеровых. В начале 1737 г. императрице потребовались мастеровые, прежде всего каменщики, для обеспечения рабочей силой личных построек ее фаворита. В Курляндию, в Большой Ругендаль были направлены каменщики, оставшиеся еще в распоряжении Канцелярии от строений. Однако этого Бирону оказалось мало, и 16 марта 1737 г. Анна повелела «каменщиков ис тех, которые шныне от каменной работы при садовых работах обретаютца 100 человек или, ежели возможно более, сколько оных налицо имеется» отправить в Курляндию.¹²⁹ В 1737—1738 гг. в имение Бирона были отправлены все казенные каменщики — петербургские, петергофские, стрелнинские, мартышкинские, ораниенбаумские, путиловские.¹³⁰ Инструкции Канцелярии от строений заперстели выражениями петровских лет: вести каменщиков в Курляндию «в самой скорости, не мешкая в пути ни малого времени». Перед правительственным учреждением встала задача — повысить производительность труда каменщиков, которые отнеслись к работе у Бирона без энтузиазма. Канцелярии от строений стало известно, что «преждепосланные в деревни его графского сиятельства для каменных работ каменщики работают весьма леностно». Канцелярия от строений направила в Курляндию на строительство поручика Харзева и двух солдат, обязав их заставить каменщиков работать «со всяким прилежанием, поспешением, неленостно».¹³¹

С начала 40-х годов правительство снова постоянно использовало казенных мастеровых. Елизавета, по словам графа Миниха, «питала страсть к постройкам великолепных дворцов и церквей».¹³² Известно, что строили при ней в Петербурге много, при Екатерине II — еще больше. Вновь развернувшееся строительство потребовало большого числа рабочих. И прежде всего это были казенные рабочие. В 1741 г. к их прямому делу вернули тех тосненских каменотесов, которые с 1733 г. находились у садовых работ, и всех каменщиков. Из года в год росло число казенных каменщиков, требуемых правительством к работам. В 1747 г. Канцелярия от строений, например, приказывала выслать из Путиловской слободы 150 каменщиков,¹³³ в 1773—1775 гг. в работу упо-

¹²⁹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, л. 48 об.

¹³⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 8 об.

¹³¹ Инструкция Канцелярии от строений, данная 21 мая 1737 г. Федору Харзеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, лл. 8—10.

¹³² Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874, стр. 87.

¹³³ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 5.

треблялось 315 путиловцев.¹³⁴ Удлинялся, видимо, и срок работы: в 1747 г. казенные мастера в основном работали с мая по середину ноября,¹³⁵ а в 1768 г., по их словам, они работали «всегда безотлучно» (и летом, и зимой).¹³⁶ То же самое наблюдалось на Охте: с начала 40-х годов плотники широко привлекались к строительству царских дворцов, Воскресенского монастыря и других возводимых по желанию императриц зданий. И если в 30—40-х годах они в зимнее время имели передышку от работ, то в 50—70-х годах они работали на казенных работах круглый год.¹³⁷

Изменилась форма оплаты казенных мастеровых. Большая часть из них в течение пятнадцати предшествующих лет лишлась государственных окладов. «А между тем браны в Санкт-Петербурге для каменных казенных работ, и на то время, как они бывали при тех казенных работах, платеж производился им против вольных каменщиков и по примеру охтенских плотников». ¹³⁸ «Против прочих вольных каменщиков» — по 1 р. 40 к. с кладки 1000 кирпичей получали казенные мастера на работе у Бирона.¹³⁹ В 1741—1742 гг. казенные каменщики за свою работу получали по 3 руб. в месяц.¹⁴⁰ Вероятно, такая оплата устраивала их, так как была близка заработку наемных каменщиков. В последние годы в Петербурге возрастал спрос на мастеровых-строителей. В 1747 г., например, Канцелярия от строений писала, что летом намечено «строение каменное, немалого здания, а каменщиков по публикам никого еще не явилось, а время к тому приспекает». ¹⁴¹ Наемному работнику надо было платить больше 3 руб. в месяц. Однако государство использовало свою власть, для того чтобы заставить казенных мастеровых работать за те 3 руб. в месяц, которые теперь уже не соответствовали плате наемного каменщика. За строительный сезон наемный работник получал в 1747 г. на 10 руб. больше, чем казенный.¹⁴² Реальная стоимость трехрублевой платы продолжала падать: в 1768 г. каменщики жаловались на «нынешнюю весьма великую дороговизну хлеба и других харчевых припасов», на невозможность выделять из 3 руб. какую-либо часть для поддержания своих «домишков», жен и детей.¹⁴³

¹³⁴ Доношение коллежского советника Лилиенталя в Контору строения ее и. в. домов и садов. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, л. 279, лл. 9 об., 48.

¹³⁵ Выписки из протоколов Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, лл. 5, 98.

¹³⁶ Там же, д. 285.

¹³⁷ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 63, 64.

¹³⁸ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 6.

¹³⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, л. 48 об.

¹⁴⁰ Там же, д. 280, л. 9.

¹⁴¹ Там же, д. 275, л. 5.

¹⁴² Рапорт капитана Савенкова в Канцелярию от строений 9 мая 1747 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 37 об.

¹⁴³ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 285, лл. 3 об.—5.

Итак, если в 10-х годах правительство подчас платило переведенцам-мастеровым больше, чем наемным рабочим, — столько же, если они брали работу на подрядных началах (см. стр. 161—162), плюс провиант и земельный надел, то с конца 40-х годов, учитывая, что мастеровые теперь прочно обосновались на отведенных им земельных наделах, им стали платить меньше, чем платили наемным рабочим. Их заработок получил сходство с плакатными деньгами, которые уплачивали приписным крестьянам казенных заводов.

Правовое положение вновь созданной правительством категории рабочих людей определялось тем, что, будучи переселяемы по указу Петра I в Петербург, они освобождались от крепостной зависимости по отношению к своим прежним владельцам. Забирая мастеровых, правительство либо засчитывало их за рекрутов,¹⁴⁴ либо уплачивало за них прежним их владельцам деньги из казны.¹⁴⁵ В Петербурге они превращались в «ведомства Канцелярии от строений записных казенных... императорского величества мастеровых людей», находящихся «в собственном подданстве» императорского величества. «Мы, низжайшие, — писали они императрице Елизавете, — служащие люди, а ничьи не помещичьи, и не монастырские, и не крестьяня»¹⁴⁶ (последним они отрицали свою принадлежность к государственным или дворцовым крестьянам). Положение «служащих» было одной из форм феодальной зависимости. Освобождение от службы являлось большой наградой. Правительство противопоставляло служилого мастерового вольному. Показательно в этом отношении освобождение Екатериной II от службы каменщика московской Гофинтендантской конторы (мастеровые которой находились в положении, сходном с положением мастеровых Канцелярии от строений) Степана Егорова. За важные изобретения, совершенные им, Екатерина II повелела С. Егорова и потомков его от службы ее и. в. «уволить и быть навсегда вольными».¹⁴⁷ В других случаях правительство проводило аналогию между мастеровыми-переведен-

---

¹⁴⁴ Указ от 10 ноября 1714 г. ПСЗ I, т. V, стр. 129.

¹⁴⁵ В 1711 г. из с. Почалок Ярославского уезда, принадлежавшего Анне Ив. Головиной, было взято на переведенье 29 каменщиков. За переведенцев «она, Головина, взяла» из казны по 50 рублей за каждого (Указ из Юстиц-коллегии. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, л. 2; Выписка Канцелярии от строений. Там же, д. 53, л. 77). В 1719 г. по указу Сената помещику Шулепникову следовало заплатить за его крепостного Ив. Фомина, записанного в кузнецы Городовой канцелярии, 35 руб. «и впредь ему (Шулепникову, — Л. С.) до того крестьянина и до жены его и до детей дела нет» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 4, ч. I, д. 16, л. 16).

¹⁴⁶ Доношение 220 путиловских каменщиков в Канцелярию от строений на имя Елизаветы Петровны. Июль 1750 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 2—2 об.

¹⁴⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 450.

цами и служилыми людьми украинских городов XVII в.¹⁴⁸ или солдатами XVIII в.¹⁴⁹

Мастеровые зависели только от государства, которое для них чаще всего представлялось в облике Канцелярии от строений. Они беспрекословно выполняли те работы, которые от них требовались: «... в прошлых давних годах, тому ныне назад лет с сорок, по... Петра Великого указу ради заведения вновь разных мастерств в том числе прадеды, и деды и отцы наши приведены из разных городов в Санкт-Петербурх» и «на всякие казенные работы, какое б опые не имелось, употреблялись и ныне употребляемся как в города, так и в уезды со всяким нашим тщательным радением и трудами», — писали они императрице Елизавете.¹⁵⁰

Службой обязаны были и жены мастеровых. Жен мастеровых периодически привлекали то к прополке гряд, то к мытью полов. Для понимания их правового положения важно не то, что они работали далеко не всегда, а то, что они не имели права отказаться от этой работы тогда, когда от них ее требовали.¹⁵¹ В распоряжении Канцелярии находились и дети мастеровых. Мальчики обязаны были учиться в школах. Учение в школе приравнивалось к «службе», недаром сыновьям мастеровых, обучавшимся грамоте, с 1721 г., а возможно и ранее, давали государственное жалованье — по 2 деньги в день и по четверику хлеба на месяц.¹⁵² В начале 1726 г. Канцелярия от строений детей 5—10-летнего возраста определяла «для обучения русской грамоте и писать», детей старше 10-летнего возраста — «в науку к мастерам»,¹⁵³ (то же продолжалось и в 30-х годах).¹⁵⁴ Таким образом

¹⁴⁸ Так, при решении дел о женитьбе мастеровых-переведенцев на бедных крестьянках правительство ссылалось на ст. 27 гл. 20 Уложения, согласно которой украинских городов служилые люди, женившиеся на бедных кабальных или крепостных девках, обязаны были уплачивать за своих жен определенные суммы (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, лл. 459 об.—470).

¹⁴⁹ Указы о солдатах привлекались правительством для решения вопроса о том, куда уstraивать мастеровых, увольняемых в отставку (указы от 10 и от 26 марта 1741 г., от 22 мая 1742 г.), а также в некоторых других случаях. Так, в 1726 г. дело о беглом кирпичнике, который был выслан в С.-Петербург из Суздальского уезда и никогда не был военнoслужашим, решалось на основании «листа» о прощении вин солдатам, матросам, драгунам и рекрутам, которые сами явятся из бегов (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 13—14).

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, лл. 1—2 об.

¹⁵¹ В феврале 1720 г., например, по указу Екатерины Алексеевны, 8 переведенских баб были определены для мытья полов в домах царского величества, «которым велено всегда, когда их спросят, к тому делу были б готовы» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 6, ч. II, д. 154).

¹⁵² Резолюция Канцелярии от строений. Конец 1720-х годов. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 314; Доношение с тосненских каменоломен в Канцелярию от строений от 31 марта 1721 г. Там же, кн. 18, ч. II, л. 497.

¹⁵³ Резолюция Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, кн. 56, ч. I, л. 129.

¹⁵⁴ Доклад Кармедона Миниху. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 78, ч. I, л. 40.

«служба» начиналась с 5 лет. Именно поэтому Сенат и назначил выдачу хлебного жалованья детям мастеровых с 5-летнего возраста.¹⁵⁵

Оставить государственную службу мастеровые не имели права в течение всей жизни. Раз в три года, если они имели уважительную причину, им давали отпуск. Отпуск давался с января по март месяца и только тому мастеровому, который в данное время (зимой строительство сокращалось) не требовался к работам. Жалованье за время отпуска не платили. Отпуская мастерового, брали по нему солидную поруку, чтобы гарантировать Канцелярию от невозвращения его.¹⁵⁶ Окончание службы наступало тогда, когда человек терял работоспособность. Устанавливала это Медицинская канцелярия. Много затруднений доставил правительству вопрос об устройстве отставных мастеровых. После, видимо, малоудачных попыток, предпринимавшихся правительством с целью удалить потерявших работоспособность мастеровых за пределы Петербурга и его окрестностей (см. стр. 132—133), перешли к тому, что позволили престарелым мастеровым оставаться в слободах. Большинство из них доживало век при детях, которые работали на строительстве и на заводах, находившихся в ведении Канцелярии от строений,¹⁵⁷ бездетным оставляли дворы и огороды. Во второй половине 50-х годов делались попытки приспособить отставных мастеровых к выполнению работ, не требующих физической силы — назначать их старостами, десятскими, «к церкви», «к присмотру лесов». Освободившихся в результате этой замены молодых мастеровых использовали на работе в Петербурге.¹⁵⁸ В итоге положение закончивших службу мастеровых свелось к тому, что они, как и другие группы служилых людей, получали паспорта для свободного проживания и доживали свой век в переведенческих слободах.

Обязав мастеровых работать на строительстве города, верфях, заводах, государство освободило их почти от всех иных повинностей. С них не собирали подушных денег.¹⁵⁹ С них не брали рекрутов. Они были свободны от подводной повинности.¹⁶⁰ Когда

¹⁵⁵ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 3 об.

¹⁵⁶ Ведение поручика А. Зенбулатова от 20 декабря 1721 г. в Канцелярию городских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 20, л. 686; кн. 26, ч. II, л. 378; кн. 37, ч. II, л. 644; кн. 56, ч. II, лл. 589—597.

¹⁵⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, лл. 16—19.

¹⁵⁸ Копия из протокола Канцелярии от строений. 1 апреля 1756 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 29.

¹⁵⁹ Справка из Канцелярии от строений, выданная на запрос Канцелярии генеральной ревизии от 7 октября 1747 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 277, л. 3.

¹⁶⁰ В петровское время в исключительных случаях переведенцы ставили лошадей под проезд членов царской фамилии (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. I, л. 395). Но именно эти исключения свидетельствуют о том, что в целом они были от этой повинности свободны.

Полицмейстерская канцелярия попробовала привлечь тех из мастеровых, кто жил в самом Петербурге, к выполнению общественно-полицейских функций — выбору из их числа сотских, пятидесятских и десятских, то мастеровые немедленно запротестовали: нам «во оных вышенисанных быть не надлежит, понеже мы на его и. в. работе бываем безпрестанно, также и в дальных отсылках, и отправлять оного вышеписанного нам невозможно». ¹⁶¹ Отказывались они и нести караулы у рогаток, мотивируя свой отказ также «безотлучной» работой, которой их занимала Канцелярия городских дел. ¹⁶² Единственной повинностью, которую полиция все же наложила на мастеровых, была постоянная. Несмотря на недовольства и возмущения мастеровых, им не удалось избавиться от нее и они настаивали уже лишь на том, чтобы постой осуществлялся «по билетам из полиции», т. е. чтобы число расквартированных у них солдат не превышало установленной нормы. ¹⁶³

Правительство ограничивало свободу мастеровых не только тем, что они не могли покинуть те места, куда были поселены, но и тем, что считало их обязанными работать только в том ведомстве, в которое они были определены. Указом от 1 января 1724 г. строительным мастеровым было запрещено заключать подряды ¹⁶⁴ где бы то ни было, кроме ведомства Канцелярии от строений. В начале 1726 г. состоялся подтвердительный указ. ¹⁶⁵ Государство считало, что все силы мастеровых принадлежат тому ведомству, в которое они определены. Нарушение запрещения вступать в подряды считалось виной необычно тяжкой. Канцелярия от строений наказывала мастеровых редко, но каменщика Петра Терентьева за заключение в 1725 г. подряда с Адмиралтейством на поставку камня били морскими кошками при собрании мастеровых людей, «чтоб ему и другим чинить было неповадно», и отправили в работу. ¹⁶⁶ Неполноправность мастеровых проявлялась и в том, что они не имели права выступать поручителями по подрядчикам. Основной этого запрещения, вероятно, служило то, что в случае неустойки подрядчика поручители отвечали за него своим имуществом или подвергались тюремному заключению. Канцелярия не желала, чтобы ее мастеровые были разорены или

¹⁶¹ Доношение 21 мастерового в Канцелярию от строений. Ноябрь 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 395.

¹⁶² Доношение 20 мастеровых в Канцелярию полицмейстерских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. I, л. 417.

¹⁶³ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 26, ч. III, лл. 839—872; оп. 4, д. 219, лл. 1—2; М. И. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 49—50; Л. П. Семенова. Рабочие петербургских заводов..., стр. 109—110.

¹⁶⁴ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, лл. 135, 136 об.

¹⁶⁵ Решение Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 136.

¹⁶⁶ Резолюция по делу Терентьева. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 136.

заключены в тюрьму, в результате чего не смогли бы выполнять государственных работ.

Аналогичным было и отношение правительства к предпринимательству охтинских плотников. 18 июня 1723 г. контора Партикулярной верфи, в ведомстве которой они находились, подчеркивала, что плотники не имеют права без ее ведома подряжаться в посторонние работы.¹⁶⁷ Согласно инструкции 1744 г., которая явилась основным документом для управления плотниками до начала XIX в., охтянам было запрещено без дозволения конторы подряжаться в работы и в поставки и давать поручительства на сумму свыше 10 руб. За нарушение этого запрещения им грозило публичное наказание кошками.¹⁶⁸

* * *

Отношение правительства к мастерам, работавшим на государственном строительстве и государственных заводах, определялось желанием иметь наиболее дешевый и наиболее производительный труд. Для повышения производительности труда правительство использовало экономические и организационные меры. Наиболее четкая организационная структура существовала в армии, поэтому вполне закономерными являлись попытки Петра I использовать армейские методы для организации работ в промышленности и строительстве. Это было тем более уместным, что самые крупные промышленные предприятия создавались в военных целях в годы Северной войны (Адмиралтейство, Литейный пушечный двор, пороховые заводы, Сестрорецкий оружейный завод). Рабочие этих предприятий часто комплектовались из рекрутов, солдат; военные чины руководили предприятиями, рабочие были одеты в мундиры, лечили их в военных госпиталях. Нет ничего удивительного в том, что их пытались подчинить и военной дисциплине, хотя, конечно, связь рабочих с производственным процессом, их квалификация мешали превращению их в солдат. Но так было не только на военных предприятиях. Правительство военизировало даже самые мирные отрасли хозяйства. Показательно, что руководителями строительства и вотчинного управления единственного в то время духовного учреждения в Петербурге Александро-Невского монастыря Петр I назначил офицеров гвардейских полков.¹⁶⁹ В штате Канцелярии от строевых на большинство должностей также были определены военнослужащие. Военнослужащим был поручен и весь непосредственный надзор за рабочими. Для его осуществления через некоторое время после основания Канцелярии Петр I указал учредить при

¹⁶⁷ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 34.

¹⁶⁸ Б. Мансуров. Охтенские адмиралтейские селения, стр. 37.

¹⁶⁹ Описание архива Александро-Невской лавры, т. I. СПб., 1903, стлб. 498—499.

ней особый военный батальон. 11 декабря 1709 г. такой батальон в составе 517 человек был создан. Кроме военнослужащих батальона от строений, к надзору за рабочими привлекались солдаты и офицеры гарнизонных и армейских полков.¹⁷⁰ Военнослужащие, определенные «к смотрению над мастеровыми людьми иноземцами и русскими, также и из солдат», обязаны были следить, чтобы мастеровые, вверенные им, «всегда были на работе и работали неленостно, записывать, если иноземцы или русские на работе не будут или придут в неуказанные часы», ведать отпусками мастеровых в Петербург, следить за их поведением в послерабочее время.¹⁷¹ Создавая военизированный аппарат управления мастеровыми и работными людьми, правительство в то же время пыталось создать четкую административную структуру внутри крупных казенных предприятий. Мастеровых делили на десятки. В десятке должно было находиться по 3 мастеровых второго класса (12 июня 1723 г. Петр указал делить мастеровых согласно квалификации на классы) и по 6 мастеровых третьего класса. В командах мастеровых, насчитывавших 20 человек и больше, полагалось выбирать десятников, в командах от 50 до 100 человек — командоров «из тех же мастеровых людей, которые произошли к лутчему».¹⁷² Подобная организация рабочих команд безусловно должна была способствовать четкой работе и повышать производительность труда.

Постоянный недостаток средств в казне заставлял правительство настойчиво искать наиболее дешевую рабочую силу.

На первый взгляд может показаться, что наиболее дешевым для правительства являлся труд пососан.¹⁷³ Население высылало в Петербург работников и деньги на их содержание во время работы. Но собранные на содержание пососан средства являлись уже средствами государственными. Труд пососан был малопродуктивен: подрядчиками и наемщиками «некоторые работы исправляются удобнее и скорее, нежели государственными работниками», — докладывал правительству руководитель Городовой канцелярии князь А. М. Черкасский.¹⁷⁴ Убедившись, что из-за низкой производительности труда пососан собираемые на их содержание деньги расходуются непродуктивно, петровское правительство, как только в Петербурге появилось достаточное количество наемных рабочих, отказалось от использования этой формы подневольного труда.

¹⁷⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 53, л. 21; д. 257, л. 1; оп. 73/187, кн. 56, ч. I, лл. 207; кн. 20, л. 273.

¹⁷¹ Инструкция, выданная 3 апреля 1723 г. поручику Нарвского полка Булатшеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 38, ч. II, л. 864.

¹⁷² Указ за подписью Синявина. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 483, лл. 1—2.

¹⁷³ Пососанами называли работников, высылавшихся в Петербург в порядке отбывания государственной повинности по строительству города.

¹⁷⁴ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 83.

В 40-х годах правительство вновь попыталось использовать труд людей, высылаемых на работу в Петербург на основе государственной повинности (хотя плата высланным теперь должна была выплачиваться из государственной казны). Мощь государственного аппарата, позволявшая правительству сосредоточить в любом месте страны почти любое количество работников, заслонила на какое-то время то, что труд этот будет экономически неэффективным. Так, когда цена, запрашиваемая подрядчиками за ремонт С.-Петербургской крепости, показалась правительству слишком дорогой, то Сенат в 1740 г. дал разрешение на высылку для исполнения этой работы 700 каменщиков из Ярославской и Костромской провинций и Новгородской губернии.¹⁷⁵ К наряду каменщиков прибегли в 1742 г. и при строительстве Кронштадского канала. Но, осуществив высылку, правительство само вынуждено было признать, что «от того наряда впоследствии только отягощение народное, без всякого плода».¹⁷⁶

Для понимания правительственной политики по занимающему нас вопросу значительный интерес представляют меры, принимавшиеся правительством для интенсификации подневольного труда. Одной из таких мер являлась подрядная форма оплаты труда переведенцев.

1711—1712 годы были временем массового переселения мастеровых в Петербург «к городовому делу на вечное житье». Привезенные в Петербург помимо своей воли, мастеровые люди должны были пожизненно работать в тяжелых условиях вновь строившегося города за получаемое ими твердоустановленное государственное жалованье. Подневольность должна была особенно ощущаться ими в первые годы пребывания в Петербурге (недаром именно на первые годы падает масса побегов, в то время как в 30—50-х годах побег был чрезвычайно редким явлением). Летом 1713 г. правительство сделало первый шаг к тому, чтобы приблизить труд переведенцев к наемному. Вместо твердоустановленного денежного оклада им предложили брать работы на подряд.¹⁷⁷ Это увеличивало количество заработанных мастеровыми денег.¹⁷⁸ Подряды заключались на одинаковых условиях

¹⁷⁵ Указ от 29 апреля 1740 г. ПСЗ I, № 8087.

¹⁷⁶ Из 966 каменщиков, присланных на строительство канала, опытными были лишь 136 человек, 529 вовсе не знали ремесла (указ от 28 мая 1743 г. ПСЗ I, № 8744).

¹⁷⁷ 1 июня 1713 г. «вечного житья каменщиком сказан Его, великого государя, указ, чтобы они договаривались делать городовое строение и в делах царского величества, и у Гостина двора, и у посольских домов, и у всяких строений уроком, кто какое может себе взять на подряд. И в том иметь договоры с архитектором Трезини и с другими командиры, которые будут у тех стросний. И по тем договорам давать им деньги из Канцелярии городских дел без всякия волокиты» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 172, л. 1).

¹⁷⁸ Переведенец резчик Петр Федотов с четырьмя товарищами, взяв на подряд работу в Петергофе, получили за нее с 21 января по 13 марта

как с наемными мастеровыми, так и с мастеровыми вечного жителя.¹⁷⁹ Это в какой-то мере сближало их труд. Очевидно, правительство считало для себя выгодным платить мастеровым вечного жителя подрядную плату, т. е. в среднем на $\frac{1}{3}$ выше их окладного жалованья, так как такая плата вполне окупалась размером выполненной работы. Недаром Черкасский подчеркивал, что наемщики и подрядчики исправляют работы «удобнее и скорее». Петровское правительство было настолько заинтересовано в интенсификации труда мастеровых, что, переводя их на подрядную форму оплаты, сохраняло ежемесячную раздачу им провианта и земельные наделы. Денежный заработок, повышаясь вследствие подрядной формы оплаты труда, играл все большую роль в обеспечении существования мастеровых.

Однако в эти же годы правительство запрещало людям, обязанным работать в Петербурге в порядке выполнения посощной повинности, ставить вместо себя наемщиков.

П. Н. Петров и С. П. Луппов,¹⁸⁰ изучавшие высылку работников в Петербург необычайно тщательно и вдумчиво, совершенно не обратили внимания на то, что работная повинность населения в условиях развивавшегося в первой четверти XVIII в. денежного хозяйства приобретала характер повинности денежной. Проходило это в результате найма крестьянами и посадскими людьми работников для высылки их в Петербург. Получив правительственное указание о высылке в Петербург определенного числа работников, жители того или иного населенного пункта обращались к подрядчику, платили ему деньги и не знали больше никаких забот. Подрядчики нанимали работников и сдавали их приводцам. Таким образом, в числе доставленных приводцами в Петербург рабочих людей часть являлась по существу наемными работниками. Так, среди 473 посощан, ведомых в С.-Петербург в 1713 г. приводцем Петром Сирбашевым, оказался 81 человек, нанятый подрядчиком Сергеем Гордеевым за посадских людей города Коломны, 23 — нанятых подрядчиком Сысоем Мартыновым за крестьян архиерейского села Городища, 8 — нанятых подрядчиком Андреем Ульяновым за крестьян разных поместий, и

1748 г. 10 р. 60 к. Если бы они получили за это время окладное жалованье, то оно составило бы 6 р. 76 к. (Выписка Канцелярии городовых дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, дд. 172, 173). Переведенцы-каменщики, беря работы на подряд, зарабатывали 1 р. 40 к., 1 р. 43 к. в месяц. Окладное же жалованье умеющего каменщика равнялось 90 коп. в месяц (подсчеты наши, — Л. С.) (Записи Трезины. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 174, лл. 5—8). В одном случае, по нашим расчетам, получилось, что каменщики за подрядную работу получили по 1 р. 5 к. в месяц. Это очень малый заработок для подрядной работы, но он все же больше окладного жалованья (там же, д. 177, лл. 2—4).

¹⁷⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 172, л. 4; кп. 7, ч. III, д. 225, л. 1.

¹⁸⁰ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 77—84.

люди, нанятые другими подрядчиками.¹⁸¹ В иных случаях подрядчики сами приводили в Петербург нанятых ими людей. Приводец Абрам Голосов, посылавшийся в Одоевский уезд и Одоев посад, доложил, что комендант, набиравший посошан, передал ему для отвода в Петербург только 59 человек, сказав, что «работных людей с посаду подрядился поставить некоторой подрядчик, а кто, того он не упоминал».¹⁸² В апреле 1713 г. калужские бурмистры подали в приказной избе ведение о том, что у них всех 65 работников, которых положено отправить с посада в посоху в Петербург подрядился поставить подрядчик Семен Черной. Он же подрядился поставить 26 работников за крестьян калужской вотчины Ромодановского.¹⁸³ В том же году наемщики имелись среди работных людей, высланных из г. Ярославля, из Владимирского, Рязанского, Московского, Козельского¹⁸⁴ и других уездов.

Иногда инициаторами найма работников для высылки их в Петербург выступали местные государственные власти, и тогда число нанимаемых работников являлось внушительным. Так, на июль-сентябрь 1713 г. из Смоленска, Дорогобужа, Белой, Рославля полагалось выслать в Петербург 1252 человека. По приказу Смоленского губернатора П. С. Салтыкова велено было «оных работников в Санкт-Петербурхе нанять... почему пристойно». Для найма их Салтыков командировал в Петербург Василия Маслова. «И для вышеписанной городской работы для найму у него, Василия, работные люди являются», — значилось в доношении в Канцелярию городских дел.¹⁸⁵

Кроме того, посошане, идущие в Петербург, брали деньги со своих односельчан, обещая либо нанять в Петербурге работников за тех, кто дал деньги, либо отработать самим в следующие сроки. Летом 1713 г., например, 12 крестьян Боровского уезда, отработавших свой 3-месячный срок, просили Канцелярию городских дел разрешить им работать еще 3 месяца за тех 12 крестьян Боровского уезда с которых они взяли деньги обещая поставить в Петербурге наемщиков, но не выполнили обещания, задержавшись в дороге из-за болезни;¹⁸⁶ о том же просили 13 крестьян Московской губернии г. Михайлова.¹⁸⁷ Отработка посошной повинности за другого за полученные от него деньги называлась «снятием ее на себя». Петр Потапов, например, снял на себя трех крестьян Боровского уезда. За одного он отработал 3 месяца, за второго просил в Городовой канцелярии разрешении

¹⁸¹ Сказки приводца Петра Сирбашева и подрядчиков. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. 1, лл. 265 об.—266 об.

¹⁸² ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. II, л. 33.

¹⁸³ Там же, л. 119.

¹⁸⁴ Там же, ч. III, лл. 288, 291; ч. II, л. 349, ч. I, лл. 284 об.—285, 320.

¹⁸⁵ Там же, л. 320.

¹⁸⁶ Там же, ч. III, л. 297.

¹⁸⁷ Там же, л. 300.

работать следующие три месяца, за третьего нанял работного человека.¹⁸⁸ Посадский человек г. Гороховца Григорий Никифоров с 1704 по 1713 гг. работал в Петербурге «у городского дела в работных людях, нанмаяся разных городов у посошных же людей».¹⁸⁹

Судя по заявлению комиссара, находившегося в С.-Петербурге у приема работных людей из губерний в 1714 г., поставка наемных работников на отбывание посошной повинности была распространенным делом «у приводцев много работных людей налицо не являеца, а объявляют приводцы также и работные люди у смотру сказывают, что которые явились нетчкии, и с тех они работных людей сняли на себя и взяли деньги¹⁹⁰ и просят, чтоб вместо их принять наемщиков, также здешние жители, господа, с тех своих деревень других работных людей ставят и в место...» (далее текст испорчен).¹⁹¹

Казалось бы, правительство не должно протестовать против того, чтобы посоху выполняли работники, нанятые крестьянами и посадскими людьми, тем более что в этом случае подрядчики несли ответственность за то, чтобы выставленные ими люди исправно отработали срок. Подрядчик Семен Черной, например, сказал, что поскольку он человек приезжий и ручаться по нему некому, то он будет сам жить в Петербурге те три месяца, на которые поставил работников. Если кто-нибудь из работников сбежит, то он обязуется в тот же день поставить другого, если сам Черной съедет, а работники сбегут, то надлежит взять работников с Калужского посада, а с него взять штраф и учинять ему жестокое наказание.

Подряды облегчали и проведение работных людей в Петербург.¹⁹² Нанятые подрядчиками люди получали оплату, равную оплате наемных работников, они были заинтересованы в работе и, вероятно, их производительность труда не уступала производительности труда людей, нанятых Городовой канцелярией. И тем

¹⁸⁸ Там же, л. 299.

¹⁸⁹ Допросные речи Никифорова. ЦГИА, ф. 467, кн. 1, ч. III, л. 275.

¹⁹⁰ Наряду с честным «снятием на себя» посошной повинности встречались и случаи злоупотреблений. Так, в 1712 г. крестьянин Московской губернии Переяславля-Рязанского уезда дер. Киструса Василий Григорьев взял с двух крестьян Рязанского Савина монастыря по 4 руб., обещая работать за них в Петербурге. В Петербурге он нашел человека, который написал ему фальшивые отпуски о том, что он, якобы, отработал посоху за данных крестьян. В 1713 г. Григорьев взял такие же деньги с четырех крестьян Вознесенского девичья монастыря и вновь пытался получить фальшивый отпуск. Крестьянин Семен Семенов, добыв в 1712 г. фальшивый отпуск о работе двух крестьян, в 1713 г. уже взял по 2 р. 90 к. с 9 крестьян, обещая поставить за них в Петербурге наемщиков (Допросы В. Григорьева и С. Семенова. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. III, лл. 276—278).

¹⁹¹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 2, ч. III, л. 264 об.

¹⁹² Показания приводцев. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. I, лл. 71 об., 222, 264, 275.

не менее правительство выступило против высылки на работы в Петербург наемных работников. 30 ноября 1713 г. Сенат указал: «... губернатором и комендантом велено учинить заказ крепкой, чтоб работники друг у друга работников отнюдь не нанимали...» (далее текст испорчен).¹⁹³ Этот указ противоречил экономическому развитию страны. Через два года он был отброшен жизнью: сам Сенат начал давать разрешения на наем работников в счет высылаемых в Петербург людей.¹⁹⁴

Так же препятствовало правительство тому, чтобы мастеровые, переведенцы Канцелярии от строений, посылали на работу вместо себя наемщиков. Из-за этих запрещений мастеровые отправляли за себя наемщиков тайно, под своим именем. Это явилось причиной того, что нам известно о наемщиках крайне мало, ибо, как правило, мы не можем узнать, работали ли мастеровые сами или вместо них работали наемщики.¹⁹⁵

В первые годы пребывания переведенцев в Петербурге наем был довольно редким явлением. Тем не менее уже в 1713 г. имелись, вероятно, единичные случаи найма мастеровыми работников вместо себя.¹⁹⁶ Чем дальше, тем шире входила в быт практика использования мастеровыми наемщиков, однако только в 1747 г. Канцелярия от строений официально разрешила осуществлять то, что до сих пор делали не легально, — «а ежели кто из них пожелает наемщиков с указными пашпортами дать, в том им позволить».¹⁹⁷ Известно, что после этого указа из 122 путиловцев

¹⁹³ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. I, л. 283.

¹⁹⁴ Там же, кн. 2, ч. III, л. 270.

¹⁹⁵ Великим постом 1727 г. плотник Канцелярии от строений Семен Терептёв сын Викулин нанял себе в работники крестьянина Федора Семенова, пришедшего с родины его отца — переведенца-плотника. Вначале Семен использовал Федора «для домовой работы», а затем отправил его вместо себя, под своим именем, на работу в Канцелярию от строений вместе с 20 путиловскими плотниками. Вероятно, для этих 20 плотников не было необычным то, что под именем переведенца работал нанятый им человек. Во всяком случае, это не вызвало никаких возражений с их стороны. Семен объяснял свое отсутствие на работе тем, что «ему тогда при Путиловщине была домовная нужда» (Дело, начатое капитаном Г. А. Захаровым о возвращении ему старинного его крепостного крестьянина Терентия Викулина, ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, лл. 724, 727 об., 729, 730, 734—735).

¹⁹⁶ Ведения Канцелярии от строений каменоломщик Андрей Алексеев в 1713 г. «в работу к каменной ломке на Тосну» нанял пришедшего без ведома властей на заработки в Петербург монастырского крестьянина Московского уезда Игнатия Иванова. Игнатий проработал за Алексеева года два. Около 1720 г. того же Игнатия по году нанимали каменоломщики Иван Федоров сын Стулцов и Алексей Леонтьев. В сентябре 1723 г. Игнатий с товарищем шли в Тосненскую слободу, где у Игнатия была договоренность о том, что его наймет каменоломщик Иван Абрамов (Допрос Игнатия Иванова, обвиненного в краже шубы. Октябрь 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 406.)

¹⁹⁷ Протокол Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 5 об.

каменщиков поставили за себя наемщиков 45 человек,¹⁹⁸ из 48 тосненцев-каменоломщиков — 9 человек.¹⁹⁹ В середине века для правительственного учреждения, ведавшего строительством города, уже не имело значения то, что часть мастеровых оставалась свободной от казенной работы. Для Канцелярии от строений важно было то, что она вместо этих мастеровых получала такое же число мастеровых равной квалификации, которым могла платить на 10 руб. меньше, чем необходимо было заплатить наемным работникам. Охтинские плотники получили официальное разрешение ставить вместо себя на казенные работы наемщиков, видимо, ранее. Во всяком случае, в 1733 г. открыто посылали вместо себя наемщиков 280 человек из 1225 плотников, годных к работе.²⁰⁰

Постоянное взаимодействие и переплетение труда наемного и подневольного привело к появлению на строительстве столицы особой разновидности принудительно привлекаемых к работе наемных рабочих. 5 мая 1735 г. был опубликован указ Кабинет-министров, по которому занимающимся наемным трудом посадским людям, крестьянам всех категорий и всякого чина работным людям в Санкт-Петербурге, Шлиссельбурге, Ладого предлагалось «без всякой боязни» приходиться в полицмейстерские конторы и записываться на казенные работы. Их призывали добровольно заключать договоры, обещали деньги. Если же они не явятся в недельный срок добровольно, «а после того пойманы будут и приведены в полицию, и тогда по поимкам отосланы будут на работы без всякой за работу заплаты».²⁰¹ (Великолепный образчик свободы! Добровольность выражается не в том, что человек может работать на казенных работах и может не работать на них, а в том, чтобы добровольно явиться на работы в течение недели, избежав тем самым принудительной отправки на них с восьмого дня после опубликования указа). Аналогичные указы принимались и в дальнейшем. В 1743 г., например, велено было «публиковать» в Петербурге и во всем государстве, чтобы каменщики, плотники и прочие работные люди шли добровольно наниматься в Петербург. Им обещали плату. Тем, кто пришел в Петербург, объявляли высочайший указ о том, что они обязаны работать на строительстве Кронштадтского канала и «дабы ведали, что кроме Кронштадта иной работы здесь не сыщут нигде».²⁰² Работа на Кронштадтском канале за твердоустановленную плату становилась по воле правительства обязательной для людей, которые приходили на заработки в Петербург.

¹⁹⁸ Реестр путиловским каменщикам. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, л. 275, лл. 24—26 об.

¹⁹⁹ Доношение тосненских каменоломщиков в Канцелярию от строений. Апрель 1747 г., ЦГИА, ф. 467, оп. 4, л. 275, л. 28; Выписка из протокола Канцелярии от строений. Там же, л. 31.

²⁰⁰ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 40, 42.

²⁰¹ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 27, лл. 27—30 об.

²⁰² Указ от 28 мая 1743 г. ПСЗ I, № 8744.

Строительство столицы на только что отвоеванной земле, в местах слабозаселенных, оторванных от экономически развитых центров страны было делом необычайно трудным. Успешное осуществление такого строительства продемонстрировало силу Русского государства. В С.-Петербурге правительство использовало веками накопленный опыт обеспечения крупного строительства рабочей силой. Использовали пососную повинность, переселения мастеровых «на вечное жительство», наем строительных артелей, заключение подрядов на доставку материалов и возведение построек, приглашение иноземных мастеров, использовали опыт организации работ, применявшийся Приказом каменных дел.²⁰³ Однако объем строительных работ, предпринятых в районе Петербурга петровским правительством, несомненно превысил объем работ, предпринимавшихся где-либо в России ранее XVIII в. В ходе строительства его старые формы, увеличиваясь в объеме, в условиях развивающихся товарно-денежных отношений получали качественно новое содержание: так, пососная повинность стала превращаться в наем работников населением и завершилась тем, что наемных работников на высылаемые населением деньги стало нанимать правительство. Заинтересованность правительства в повышении производительности труда мастеровых, переселенных в Петербург «на вечное жительство», привела к тому, что их окладное жалование было заменено подрядной формой оплаты; подряды заключались с ними на тех же условиях, что и с наемными людьми. Наиболее характерной чертой, наблюдаемой на строительстве Петербурга в XVIII в., явилось переплетение наемного труда с подневольным (в подневольный труд правительство вводило черты наемности, в наемный — черты подневольности). Правительство настойчиво искало работников, которые обходились бы ему по возможности дешево и производительность труда которых была бы по возможности высокой.

Превращая Петербург в столицу, правительство добивалось освобождения центра города от рабочих жилищ и рабочего населения.

---

²⁰³ А. Н. Сперанский, Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.